

«Для поклонников романа "Большая маленькая ложь".
Захватывающая история о погоне за престижем любой ценой».

KIRKUS REVIEWS

БРЮС ХОЛСИНГЕР

Негостная игра

НА ЧТО ТЫ
ГОТОВ ПОЙТИ
РАДИ УСПЕХА
СВОЕГО РЕБЕНКА

Как в жизни. Истории которые не отпускают

Брюс Холсингер

**Нечестная игра. На что ты готов
пойти ради успеха своего ребенка**

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Холсингер Б.

Нечестная игра. На что ты готов пойти ради успеха своего ребенка
/ Б. Холсингер — «Эксмо», 2019 — (Как в жизни. Истории
которые не отпускают)

ISBN 978-5-04-173725-2

Роуз, Азра, Саманта и Лорен были лучшими подругами на протяжении десяти лет. Вместе они пережили немало трудностей, но всегда оставались верной поддержкой друг для друга. Их будни проходят в работе, воспитании детей, сплетнях и совместных посиделках. Но однажды привычную идиллию нарушает новость об строительстве элитной школы, обучение в которой откроет двери в лучшие университеты страны. Ставки высоки, в спецшколу возьмут лишь одного из сотни. Дружба перерастает в соперничество, каждая готова пойти на все, лишь ее ребенок поступил. Со временем противостояние грозит перерасти в настоящую войну. Бывшие подруги готовы пойти на все, даже если это разрушит чью-то жизнь.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-173725-2

© Холсингер Б., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Предисловие	6
Вопрос 15	8
Часть I	10
1. Роуз	11
2. Роуз	17
3. Эмма Зи	21
4. Роуз	24
5. Бек	29
6. Бек	32
7. Бек	36
8. Ксандер	39
9. Роуз	42
10. Чайнья	49
Часть II	53
11. Роуз	54
12. Эмма Зи	59
13. Ксандер	61
14. Роуз	63
15. Бек	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Брюс Холсингер

Нечестная игра. На что ты готов пойти ради успеха своего ребенка

*...иметь одаренного ребенка кажется настолько
соблазнительным, что некоторые родители готовы почти на любые
жертвы, лишь бы доказать, что их детище – особенное...*

Шейла Мур и Рун Фрост. «Книга о мальчиках»

Bruce Holsinger The Gifted School: A Novel

Copyright © 2019 by Bruce Holsinger

© Кикина И., перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Предисловие

Однажды мой «почти отличник» закончил четверть с пятью четверками. Это был ужас. Не одна, не две, а целых пять четверок! Значит «скатился», «не старался» и «надо наверстывать». Наверстывать предполагалось в каникулы. Я составила расписание занятий, включая чистописание, даже купила пропись – идеальный почерк первоклассника к третьему классу совсем испортился. Единственный день каникул, который я не включила в расписание – 1 января.

1 января сын неудачно скатился с горки в ледовом городке. Черепно-мозговая травма. «Скорая помощь», больница, обследования. Пугающие прогнозы врачей. Вот где был действительно ужас. Никогда больше значимость оценок для меня не вернулась на прежний уровень. Все каникулы сын провел в больнице, после чего еще месяц на домашнем режиме. Потом позволили ходить в школу, но пару месяцев не разрешали писать и читать. Можно было просто слушать. В конце года в четверти появилась тройка по русскому языку. Да и ладно. Спасибо, что живой.

Я вспомнила об этом, читая в книге эпизод, когда начинающий футболист – папина надежда на большой футбол, не реализованная в собственной юности, – потеряв контроль над телом во время катания на лыжах, кубарем летел с горы, рискуя переломать руки, ноги... «Эти прекрасные, талантливые ноги» – вот что в первую очередь заботило отца, и за что ему было стыдно перед самим собой. Пока нарциссическая часть личности родителя тревожилась за гипотетическую футбольную карьеру сына, другая часть личности возмущенно вопила: «Есть вещи поважнее футбола! Например, жизнь твоего сына! Его позвоночник! Его мозг!»

Очень страшно от осознания того, как легко и внезапно можно потерять ребенка. Но потерять его можно не только в результате несчастного случая, но и в результате собственных действий. Ребенок именно как ребенок перестает существовать, когда родители превращают его в еще один свой бизнес-проект, продолжение своего Эго, лишая его собственных целей, интересов и прав на ошибки. Ставка на исключительность. Элитная школа. Школа для избранных, куда после череды вступительных испытаний попадет только один из ста. Попасть туда – вопрос престижа. Родители могут думать, что хотят этого из любви к детям – «Наши дети заслуживают лучшего». Но очень часто это делается в первую очередь из любви к себе. Чтобы иметь возможность прихвастнуть успехами чудо-ребенка за коктейлем с подругами. Чтобы замаскировать какую-то несостоятельность, прикрывшись успехами своих детей. Чтобы игнорировать собственные проблемы, не замечать и не решать их, погружаясь в жизнь своих детей. Чтобы компенсировать личную утрату, бросая все силы на развитие и образование дочки, делая ее ходячим эталоном всесторонне развитого ребенка.

Игра в «одаренного ребенка» может начаться очень рано, с маленькой лжи на детской площадке. Когда отец сознательно занижает возраст своих детей, в разговоре с незнакомыми родителями других малышей, чтобы его дети казались более развитыми.

Можно надрессировать годовалого ребенка узнавать таблички со словами. «Покажи, где написано «КА-ША»?» Много не надо, достаточно пяти слов, чтобы убедить родственников в том, что юный гений еще не говорит, но уже читает. Это может остаться на уровне безобидного фокуса, розыгрыша. Но есть опасность заиграться в гениального ребенка, стремясь всеми силами добиться новых достижений, которыми можно похвалиться. Появляется желание «улучшать» детские рисунки и поделки, подрисовывая, поправляя. Чтобы на стену не стыдно повесить. Чтобы выслушивать от гостей восхищенное: «Надо же, в таком возрасте и так рисует!» Чтобы на выставке в садике получить первое место. А если официально никакие места не присуждают, включить свой внутренний рейтинг, смотреть и радоваться: «Все-таки наша работа лучше всех!»

За стремлением к высоким результатам, медалям и грамотам можно не заметить, как ребенок начинает верить, что родители любят его за медали и грамоты. Поэтому он непременно должен быть успешным. Можно не заметить, что на самом деле ребенок ненавидит то, чем вынужден заниматься. Но он не может с этим ничего поделать: «Как это ты хочешь бросить?! Мы уже столько сил потратили!» Амбициозному родителю сложно перестать искать хоть какой-нибудь талант у ребенка, который можно будет раскрыть и развить, не допуская даже мысли о том, что не каждый человек талантлив.

Признание ограничений, отсутствия способностей у ребенка может высвободить огромное количество энергии. И направить эту энергию на то, чтобы просто любить. Радоваться достижениям ребенка относительно себя вчерашнего, а не тем, которые проявляются в сравнении с другими детьми. Не создавая себе и ребенку повода для невроза.

Можно не заметить, как родительская истерия конкуренции заражает детей, мешая их дружбе, мешая развитию адекватной самооценки и препятствуя становлению нравственности.

У героев книги вступительный экзамен для детей становится экзаменом для их родителей. Экзаменом на человечность. Экзаменом на адекватность. И они его не сдают. Не замечают, как конкуренция – сто человек на место – разрушает их отношения с детьми, их отношения друг с другом и их морально-нравственные устои. Незаметно для себя они превращаются в тех, кто скрывает, плетет интриги, врет и ворует интеллектуальную собственность, завидует и радуется неприятностям, случившимся в чужой семье.

Действуя изначально из любви к ребенку, считая, что престижная школа, участие в олимпиаде или еще одно дополнительное занятие в неделю с лучшим репетитором увеличит шанс на счастье ребенка в будущем, родители лишают ребенка своей любви в настоящем. Безусловной родительской любви. Той любви, которую не нужно старательно заслуживать, демонстрируя победы. И даже если сам родитель уверен, что любит своего ребенка по-прежнему сильно и безусловно, ребенок вдруг начинает чувствовать, что он достоин любви, только когда успешен. Эти выводы он может делать, ориентируясь на реакцию родителей. На их эмоции. На их вовлеченность или равнодушие. На время и внимание, которое достается более успешному ребенку в семье.

Ожидания амбициозных родителей относительно того, каким ребенок должен быть, мешают им увидеть, какой он есть. Они могут пестовать одну способность, делая на нее ставку, и при этом игнорировать другую. Могут за выдающимся интеллектом не заметить большой провал в нравственном воспитании. Оправдывать хамское поведение в отношении бабушки тем, что ребенок нервничает перед важным соревнованием. Оправдывать регулярные скандальные выходки в компании друзей «высокой эмоциональностью творческой натуры». Объяснять сквернословие тем, что «ругательства в юном возрасте свидетельствуют о высоком интеллекте». И в организованной их ребенком травле одноклассника видеть исключительно «лидерский потенциал».

Если заиграться в успешного родителя талантливого ребенка, можно упустить кое-что действительно важное.

*Анна Быкова,
педагог, психолог, арт-терапевт,
автор серии книг о воспитании детей «Ленивая мама»*

Вопрос 15

Девочка одиннадцати лет склонилась над брошюрой с тестовым заданием. В комнате царит молчание. В левой руке у девочки карандаш, а на столе перед ней лист, на котором надо заштриховать кружки с правильными ответами. Лист усеян серыми точками. Эти точки – созвездия, по которым можно прочесть, что она знает и чего не знает, что ей по силам, а что нет. Локти девочки лежат по бокам от раскрытой брошюры, обрамляют работу, обозначают ее границы.

Школьница принимается за следующий кружок, но, только лишь карандаш начинает мягко шуршать по бумаге, как рука замирает. Девочка хмурится, вчитываясь в задание. Потому что здесь не может быть ответ «С».

Или может?

Она смотрит вверх, на часы на стене, улавливает их мягкий пульс. Осталось две минуты.

Очередной резкий укол боли в животе. Девочка стирает штриховку и читает вопрос заново.

15. На рисунке ниже изображены четыре окошка. Фигуры в двух верхних окошках расставлены согласно определенной закономерности. Окошко во втором ряду пустое. Какую из четырех фигур справа нужно подставить в нижнее левое окошко, чтобы выполнялась закономерность, представленная в верхних окошках?

Девочка смотрит на нижнее левое окошко. Страница кишит разноцветными фигурами. Квадрат, круг, трапеция, конус, ромб.

Синий, красный, зеленый, желтый, фиолетовый.

Девочка наматывает прядь волос на палец и тянет до тех пор, пока на коже головы не разгорается маленький очажок боли. Она представляет игровой автомат с механической рукой. Будто бы такая механическая рука залезает к ней в череп и вытаскивает правильный ответ из железной мешанины в мозгу.

Школьница зажимает нижнюю губу зубами. Соленый вкус крови. Зубы сдавливают мягкий валик плоти.

Сильно. Сильнее, до боли.

Но ответ не приходит.

Ее сосед по парте решает этот же тест. У мальчика черные волосы, а кожа даже бледнее, чем у нее. Он постоянно вытирает потную ладонь о штаны цвета хаки, так что ткань над правым коленом даже потемнела от влаги. Это очень раздражает и ужасно *отвлекает*.

Девочка снова смотрит на часы. Одна минута.

Что-то гаденькое и дрожащее у нее в душе так и подначивает заглянуть в ответы соседа, но за все время экзамена наблюдатель даже не моргнула ни разу.

Наблюдателя зовут мисс Старк. Перед тестом она предупредила детей, что их ждет за попытку списать. Велела каждому смотреть в свою работу.

Поэтому девочка решает не подглядывать в чужой листок. Игнорируя огромные совиные очки мисс Старк, она смотрит на дальнюю часть столовой, которая отделена от фойе посеребренным стеклом. На некоторых стеклопанелях висят плакаты. Уголок одного из них отклеился и теперь криво свисает. Даже без плакатов сквозь стекло ничего не должно быть видно. И действительно, не видно почти ничего.

Можно уловить только бледные покачивающиеся силуэты родителей. Они пытаются не нарушать тишину, но девочка все равно слышит, как родители бормочут, шипят, дышат. Кажется, будто за стеклом призраки.

Один из призраков – ее мама.

Взгляд девочки блуждает по стеклу, она замечает прямоугольники и квадраты окон. А особенно ее внимание привлекает фигура, которую образует верх отклеившегося плаката и стальная рама над ним. Квадрат, прямоугольник, трапеция...

Правильный ответ – D.

Ответ настигает девочку внезапно, как ружейный выстрел, так что она едва не произносит его вслух. Школьница смотрит на Вопрос 15 и видит, какая последовательность должна быть в нижнем левом окошке. С вариантом D получится та же закономерность, что и в двух верхних окошках.

Плечи девочки расслабляются, сладкий запах ее собственного пота щекочет ноздри. Она начинает заштриховывать нужный кружок, но желтый карандаш выскальзывает из влажных пальцев, катится по парте и исчезает за ее краем. Через мгновение девочка слышит, как карандаш брякает и скачет по полу.

Схватившись правой рукой за обрезиненный край парты, школьница наклоняется, чтобы поднять карандаш. Для этого приходится привстать со стула и сделать полшага вперед. Девочка ухватывает ластик самыми кончиками пальцев и тащит к себе. Секундная стрелка успела тикнуть лишь пару раз, но когда девочка распрямляется над партой, мисс Старк уже шагает вдоль ряда и хлопает в ладоши.

Звенит звонок.

– Карандаши отложили, закрыли листочки, – выкрикивает мисс Старк, перекрывая пронзительное дребезжание. Взгляд наблюдателя сквозь огромные очки обводит комнату, как свет маяка на побережье.

Девочка косится на свой листок с ответами. На мисс Старк. Снова на листок с ответами. Ее рука скользит по поверхности стола, и кончик карандаша почти касается незакрашенного кружочка с ответом на вопрос 15.

– Эмма Зеллар, положи карандаш *немедленно*.

Рука девочки замирает в миллиметрах от правильного ответа D.

Звонок умолкает. Девочка смотрит на пустой кружок, пытаясь силой мысли заставить карандаш заштриховать его.

– *Сейчас же*.

Голоса в фойе гомонят все громче. Кто-то смеется. Родители знают. Экзамен окончен.

Девочка следит за тем, как ее пальцы, будто ставшие чужими, аккуратно кладут карандаш возле листка с ответами. Кружок зияет пустотой. Мисс Старк проходит по рядам, подхватывает ее листок и уносит прочь.

Часть I Школа

Одаренные дети зачастую прилагают очень мало усилий, чтобы добиться желаемого результата.

Викки Каруана. «Обучение вашего одаренного ребенка»

«Нью-Йорк Таймс»

НОВОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ

Воскресенье, 5 ноября 2017

Директор академии

г. Кристал

Школьные округа Уэсли, Кендалл, Мэдисон и Бьюла, а также школьный округ города Кристал ищут целеустремленного и опытного педагога, администратора, поборника идеи просвещения на пост директора-основателя кристальской академии, специализированной школы для одаренных детей. Вступление в должность с февраля 2018 года, до начала приема учащихся. В обязанности директора будет входить следующее.

- Глубокое понимание и искренняя всесторонняя поддержка исключительных детей, помощь согласно потребностям и ситуации каждого отдельного ученика.
- Административный надзор за сложной образовательной средой учреждения, находящегося в фокусе внимания штата и всего государства.
- Руководство большим коллективом учителей и административного персонала в двух зданиях школы (для средних классов, с 6-го по 8-й, и для старших классов, с 9-го по 12-й¹).
- Работа на благо крупного контингента учащихся со всего Передового хребта Скалистых гор в штате Колорадо, при разнородности расовых, этнических, религиозных, географических и финансовых особенностей этой аудитории.
- Помощь в организации новаторского, справедливого и беспристрастного процесса отбора учащихся с учетом их вышеперечисленных различий и выдающихся способностей.

Чтобы откликнуться на объявление, зайдите на сайт www.crystalcolorado.gov/humanresources/applynow и наберите в поиске номер вакансии: 41252. Принимаются к рассмотрению резюме, поданные до 1 декабря 2017 года. При отборе соискателей школьный округ города Кристал руководствуется принципом равных возможностей и не дискриминирует откликнувшихся на объявление по расовому признаку, цвету кожи, национальности, происхождению, полу, возрасту, религиозным убеждениям, конфессиям, инвалидности, сексуальной ориентации или генетическим особенностям. Администрация города Кристал соблюдает Закон об американцах-инвалидах.

¹ В американских школах 12 классов. Начальные классы – с 1-го по 6-й класс (6–12 лет), средние классы – с 7-го по 8-й класс (13–14 лет), старшие классы – с 9-го по 12-й (15–18 лет) (прим. пер.).

1. Роуз

Впервые Роуз услышала о «школе для одаренных» во второй четверг ноября. Несколько месяцев спустя она пролистала календарь назад и отчеркнула ногтем роковую дату. День, когда все началось. Те самые часы, когда зерно попало в почву, когда только наметились очертания грядущих событий. В тот день она встречалась с подругами. Весть о школе тогда была не больше, чем шепот, витающий в воздухе. Ночью, ложась спать рядом с мужем, Роуз чувствовала лишь легкую рябь беспокойства. Но все равно эта тень уже нависла над ними. Затаявшийся вирус, симптомы которого еще проявятся.

В тот четверг Роуз дежурила в отделении неврологии, где ее самая тяжелая пациентка, девушка четырнадцати лет, вот-вот должна была выйти из искусственной комы. Девушка получила черепно-мозговую травму с отеком, потому что упала с велосипеда. Каталась по городу без шлема. Однако лицо ее не пострадало при падении. Оно было умиротворенное, а цвет кожи становился все более здоровым. Хороший пульс, нормальное давление, легкие готовы работать в полную силу. Смена Роуз уже заканчивалась. Она пробежала глазами по остальным показателям и окончательно уверилась: благодаря ее стараниям еще для одного подростка самое худшее осталось позади.

Но вот родители пока об этом не знают... Мать спала на раскладном кресле, отец сидел, сгорбившись, у постели больной. За последние три дня у него под глазами появились темные круги от изнеможения.

– Как вы думаете, когда она придет в себя? – спросил он вполголоса. Пальцы его беспокойно двигались, сжимали колени.

Роуз взглянула на настенные часы.

– Через час или два. Мы перестали давать пентобарбитал, она уже дышит самостоятельно. Остальное зависит только от Лилли.

Услышав имя дочери, мужчина поднял на Роуз тусклые глаза. Врач коснулась его плеча. Потом ответила еще на несколько вопросов. Аккуратно стерла ниточку слюны со щеки девушки. На мягкой синтетической подушке осталась лужица. Из приоткрытого рта больной шел кислый запах.

Роуз кивнула отцу, вышла из палаты и зашагала по коридору. Надо было еще заглянуть к пациенту с эпилепсией. Оставлять своих больных ей не хотелось. Меньше чем через час закончится ее осенний цикл дежурств в отделении детской неврологии. Эту обязанность она выполняла три раза в год по две недели. Завкафедрой пытался сократить срок таких дежурств, потому что считал, что время Роуз слишком ценно и куда важнее ее работа в лаборатории. Но женщина любила эту свою обязанность и не стала уступать больше ни часа. Дежурства в больнице были единственным шансом по-настоящему лечить, смотреть не просто на снимки головного мозга, а в живое лицо пациента.

Какая-то часть ее души упивалась этой стихией, среди медицинских аппаратов и приглушенного общения с родными пациентов, среди запаха чистящих средств и коллодия, даже среди тухлой вони желудочно-кишечного кровотечения из реанимационной.

Следующий пациент был мальчик восьми лет с недиагностированным эпилептическим расстройством. Он уже пришел в норму, но последний его припадок вызывал опасения. Роуз делала подробные записи в электронном файле и одновременно показывала стажеру маленькие хитрости работы с новой программой.

Потом она заполняла карту на посту медсестры, и тут телефон завибрировал: пришло СМС от Гарета.

«Может, сходим в «Шо-бу»?»

???

«Сегодня. Зарезерв. на 7:15».

Роуз вздохнула, глядя на экран. Больше всего на свете ей сейчас хотелось принять ванну, посидеть в обнимку с дочкой, посмотреть кино... Что угодно, только не очередное нелепое подобие свидания.

Но, если снова отказаться, ситуация только ухудшится. Поэтому она написала: «Звучит заманчиво», но напомнила о том, что сегодня уже договорилась о встрече с подругами (что для Роуз было куда приятнее). Они собирались выпить по коктейлю в честь дня рождения Лорен. В полседьмого Роуз уже планировала быть дома. Тогда она сможет провести немного времени с Эммой до прихода няни.

«Она позанималась?» – написала Роуз.

«Да».

«И математику сделала?»

«Да, да. Лю тебя. J»

Роуз отложила телефон. Даже это ленивое «лю» от Гарета ее в последнее время начало раздражать. Теперь ей претило походя писать о любви в эсэмэсках, а на то, чтобы отправить смайлик, не было душевных сил.

За несколько минут до окончания смены медсестра позвала Роуз в палату. Родители рыдали от счастья: их дочь вернулась в этот прекрасный мир, который едва не покинула навсегда. Взгляд ее был пока стеклянный, но на лице уже блуждала слабая улыбка.

Небо было яркое и чистое. Ветер с Американского континентального водораздела щедро раздавал пощечины. Колкий ноябрьский воздух приободрил Роуз, и она быстро зашагала к бару в западной части Изумрудной аллеи. В «Каменной соли» царил приятный полумрак, музыка играла не слишком громко, а еще там подавали эксклюзивные коктейли: в бокалах плавали шарики изо льда и в сердцевине каждого шарика были заморожены лепестки. Мартини с лавандой, коктейли с гибискусом, лепестки маргариток, медленно оттаивавшие в бокале джина. В последнее время «Каменная соль» стала любимым местечком для квартета давнишних подруг. Азра уже устроилась за высоким столом: спина идеально прямая, сама вся в телефоне.

У них с Роуз было негласное правило всегда приезжать на место встречи на пятнадцать минут раньше остальных. Роуз подошла поближе. Азра бросила взгляд сквозь выбившиеся прядки волос, заметила подругу и потянулась ее обнять. Поджарая, сильная, как альпинистка. Одета в уютный вязаный, слегка великоватый свитер, воротник которого пропитан ароматом сирени. Азре от матери достался комиссионный магазин эксклюзивной одежды недалеко от Изумрудной аллеи, и она всегда приходила на встречи в завидных находках. Азра родилась в Кристале, и это была редкость: Роуз встречала очень немного местных уроженцев в этой долине «понаехавших».

– Я сегодня ненадолго, – пожаловалась Роуз, присаживаясь. – Очередное свидание с мужем.

– О боже...

– Ну не каждую же неделю! Гарет хочет выполнять советы семейного психолога от и до. А для меня это лишнее...

– Давление?

Роуз взяла вилку, потрогала зубцы.

– Я понимаю: очень важно показать Эмме Кью, что мы пытаемся сохранить отношения. Но в последнее время быть с ним наедине – это просто пытка.

– Но ведь вы обратились к психологу всего месяца четыре назад, – заметила Азра. – Не торопи события.

– По крайней мере, он старается, – признала Роуз, а сама подумала: «А я стараюсь?» Иногда она терялась в сомнениях. Ведь на самом деле Гарет не сделал ничего такого. Не считая того, что он вообще ничего не делал.

– Поверь, у нас с Беком были такие же проблемы, – поделилась Азра.

Роуз наблюдала, как подруга перекачивает оливку в своих красивых губах. Азра разошлась с Беком, когда узнала, что он изменяет ей с Соней, их любимой няней из Австрии. Несмотря на бурное расставание, бывшие супруги странным образом сблизились за четыре года после развода, что оставалось непостижимой загадкой для большинства общих знакомых.

Роуз почти завидовала приятельским отношениям, которые эти двое выстроили после разрыва. Она так хотела подобной простоты и понимания в общении с мужем, хотя не променяла бы упорного и надежного Гарета на непредсказуемого и пустозвонного Бека. «Загугли «полное чмо накидалось «Виагры» и наслушалось речей Берни Сандерса», – любила повторять Азра, – и увидишь фотку моего бывшего мужа».

– Слушай, Роуз, – сказала она, выплевывая оливковую косточку. – Не мучь ты так себя за попытку спасти свой брак.

Это Азра тоже любила повторять.

Ровно в пять в бар, будто свежий бриз, ворвалась Саманта, гордо держа голову. Быстро осмотрела зал, ища свою свиту. Вгляделась в лица подруг, заметила полупустые бокалы и сразу все поняла. Саманта сделала круг, чтобы каждой подруге достался едва ощутимый поцелуй накрашенных коралловым блеском губ, потом взяла табурет от соседнего стола и вклинилась между Азрой и Роуз, заставляя их подвинуться.

– Что я пропустила?

Подруги ввели ее в курс дела. Саманта закатила глаза к голым балкам потолка.

– Надеюсь, девчонки поработали над своим проектом ко Дню истории, – сказала она Роуз. – Кев проболтался мне в среду.

– Посмотрим, – откликнулась Роуз.

Одной из уловок Саманты было при любом упоминании о разваливающемся браке подруги переводить тему на добродушное подтрунивание над мужьями. Ее мужу, Кеву, тоже порой доставалось, хотя обычно вся критика сводилась к тому, что он совершенно безнадежен в бытовом плане (в любом случае, за все дела домашние отвечала Саманта, ведь из четырех подруг она была единственной неработающей домохозяйкой).

– А какая у них тема? – спросила Азра.

Роуз ответила:

– Лошади. Какая же еще?

– Как тебе повезло, что у тебя мальчишки!

Саманта посмотрела на Азру с безобидной ухмылкой. Лицо Азры было непроницаемо.

– Да, это просто благословение тысячи богов, – сказала она.

Несколько минут спустя, когда Саманта рассказывала о том, как выбирала новую машину, Роуз услышала, как кто-то демонстративно кашлянул.

Все тут же обернулись. Лорен с укоризной смотрела на два свободных табурета, стоявших далеко от компании подруг, которые скучковались у другого края стола. Азра быстро спрыгнула с табурета, обняла Лорен и поздравила с днем рождения. Саманта подвинула лишний табурет к соседнему столу, а Роуз пересела левее, и теперь все разместились симметрично.

Лорен легко угодить, надо только знать, как именно. Она была соцработником в Службе поддержки молодежи и семей и поэтому очень радела об общем благе. Проявления такой совестливости порой вдохновляли, а порой утомляли. Например, Лорен упрекала Азру в том, что она ездит на минивэне, а Саманту в том, что она, не желая смазать помаду, пьет через пластиковую трубочку, не заботясь об окружающей среде. На свой день рождения Лорен не хотела устраивать никаких торжеств и уж точно не собиралась приглашать всех с мужьями и детьми.

У них уже был печальный опыт: через два года после того, как Джулиана (мужа Лорен) не стало, подруги попытались устроить для нее вечеринку-сюрприз. Это была полная катастрофа. Именинница весь вечер сидела абсолютно несчастная.

С тех пор отмечали скромно. Встречались вчетвером и выпивали по паре бокальчиков.

Женщины заказали коктейли, выпили за именинницу, и Саманта подняла тему Дня благодарения. Она пригласила всех к себе, в особняк Зелларов, и хотела четко обговорить, кто и какие блюда принесет на праздник.

– В этом году будет больше тридцати гостей. Убейте меня прямо сейчас, – театрально вздыхая, пожаловалась она.

Похваляясь количеством приглашенных, она хотела таким образом подчеркнуть высокое положение семьи Зелларов. Подруги подыграли Саманте и горячо обсуждали клюкву и ямс, пока у Лорен не загорелся экран телефона.

– Это Ксандер, – произнесла она так, будто ей пришло СМС лично от президента.

Роуз наблюдала, как она отвернулась, чтобы написать сыну ответ. Лорен почти прижала острый нос к мобильнику, будто кормящийся ворон, и каждый раз отклоняла голову назад, чтобы прочитать сообщения Ксандера. У Лорен было необычное, клиновидное лицо, которое Роуз всегда казалось строгим и красивым. Как и большинство жителей Кристала, Лорен была в хорошей форме, хотя чаще всего выбирала одежду, которая невыгодно подчеркивала ее узкие бедра. Обычно она носила сорочки, которые заправляла в штаны цвета хаки. На поясе у нее была сумка для телефона.

Лорен оторвалась от переписки, и морщины ее разгладились.

– Он все еще не любит оставаться один.

– Как мило, – сказала Азра.

– На прошлой неделе он...

– О боже, Эмма Зи просто обожает, когда в доме никого! – громко перебила Саманта и помахала официантке. – Она говорит, что это единственная возможность почитать спокойно, чтобы родители не мешались.

Лорен поджала губы. Роуз, чувствуя возникшее напряжение, положила руки на спинки соседних стульев и посмотрела на Азру.

– Так что там с Гленом? – спросила она. Это был новый ухажер Азры, главный анестезиолог в медицинском центре. Роуз была с ним шапочно знакома, хотя это Саманта сосватала врача Азре месяц назад. Третье свидание у них было в среду. – Мы хотим все подробности! Давай, давай!

– Глену не дала, и вам не дам, – ответила Азра.

Знакомая шутка, но подруги с облегчением рассмеялись, потому что Азра была в этой компании точкой притяжения. Рассказы о ее жизни так захватывали остальных подруг в основном оттого, что эта жизнь резко отличалась от их собственной. Казалось, будто Азра встречалась с половиной неженатых мужчин из Четырех Округов. Бывший муж оформил совместную опеку над близнецами, и это давало женщине достаточно свободного времени для концертов, выставок и новых ресторанов по всему Передовому хребту. Но чаще всего она рассказывала истории о том, как села в лужу или попала в переделку. Истории были построены так, чтобы подруги смеялись и никогда всерьез не задумывались попробовать такой свободы. Но Роуз все равно мечтала о ней. Постоянно.

Лорен же, хотя со смерти ее мужа прошло уже восемь лет, не ходила ни на одно свидание, ни провальное, ни удачное. Ее жесткое воздержание почти превратилось в нравственный принцип. Все внимание Лорен сосредоточила на своем одаренном сыне. Когда Азра рассказывала свои скабрзные истории, Лорен склоняла голову набок и ошеломленно моргала, будто замороженная выступлением акробата или виолончелиста-виртуоза, будто изумленная талантом, которого ей никогда не суждено иметь или хотя бы понять.

Саманта открыла свою дорожную сумочку и достала открытку для Лорен. На подарки подруги всегда складывались. В этом году они дарили сертификат на целый день спа-процедур в «Аспен Рум» в трех кварталах от Изумрудной аллеи. Соляной пилинг, массаж, уход за лицом – весь пакет наверняка стоил вдвое больше, чем суммы, внесенные Азрой и Роуз, вместе взятые. Но, конечно же, Саманта покрыла разницу.

Дав Лорен время вдоволь поохать и повосхищаться подарком, Азра наклонилась к ней и спросила:

– Ну что, ты уже что-то решила насчет следующего учебного года?

Лицо Лорен засияло ярче. Еще один подарок – возможность поговорить на любимую тему, то есть о Ксандере.

– Пока что я в сомнениях. Как жаль, что в «Одиссее» не учат до восьмого класса, сыну там так нравится! Но Ксандер очень хотел бы ходить вместе с твоими близнецами в Школу Святой Бригитты.

– О, они были бы в восторге, – великодушно сказала Азра, хотя Роуз подозревала, что Эйдану и Чарли Ансвортам-Шодюри будет в лучшем случае все равно, пойдет ли Ксандер Фрай в их школу следующей осенью. В данный момент Ксандер ходил в «Одиссею», частную начальную школу для детей с высоким айкью, но ученики выпускались оттуда после шестого класса. Вот уже несколько месяцев Лорен громко и часто рассуждала: то ли оставить Ксандера в «Одиссее» доучиваться последний год, то ли отправить его в одну из бесплатных государственных школ Кристала, как отправили своих Эммочек Роуз и Саманта, либо в модную церковно-приходскую Школу Святой Бригитты (в округе Кендалл), куда ходили близнецы Азры и Бека. (Азра то и дело повторяла, вскидывая руки: «Это была не моя идея». Она сама училась в Школьном округе Долины Кристала и гордилась своим образованием. «Но в конце концов, платит Бек», – добавляла Азра.)

– Самое важное, чтобы учителя умели поддержать его интерес к учебе, ставили перед ним новые задачи, – продолжала Лорен, а все слушали с напускным интересом. Как-никак, день рождения у человека. – Ему будет тяжело в новой школе, если взрослые будут держаться с ним снисходительно. К тому же у него такие сложности с общением.

– Зато никаких сложностей с учением, – заметила Саманта.

– Ну... да. Но если его все равно в следующем году переводить, лучше уж не тянуть, а сделать все сейчас. А то я начинаю раздумывать: и ехать далеко, и стоит дорого. Но надо сказать, что в «Одиссее» нет детей, которые схватывают медленно, так что никто не тормозит таких, как Ксандер.

Роуз прикусила кончик языка.

– Есть над чем подумать, – резюмировала Азра, как всегда воздерживаясь от осуждения. – Но я уверена, что ты сделаешь правильный выбор. – Она повернулась к Саманте. – Как там Эмма Зи?

– Мы думали в следующем году отдать ее в «Одиссею», но нам эта школа вряд ли подойдет, – ответила Саманта. – Наша дочь слишком общительная. Школу Святой Бригитты мы тоже рассматривали. Та же проблема. К тому же Кев – член Городского совета, так что будет некрасиво, если Зи пойдет в частную школу.

– Значит, она будет учиться в «Ред Рокс», – утвердительно произнесла Роуз. Вопросы были здесь излишни: две Эммы были неразлучны с младенчества, а Саманта, кажется, не собиралась забирать дочь из муниципальной системы.

– Скорее всего.

Роуз ощутила тень сомнения в словах подруги. Неуверенность в голосе Саманты заставила ее резко обернуться.

– Кев рассматривает разные варианты, – уклончиво проговорила Саманта.

– Например?

– Самые разные. Например, есть независимая школа искусств недалеко от Денвера. Еще есть пара школ поближе. Посмотрим.

Роуз собиралась расспросить подробнее, но тут подошла официантка.

Школы поближе? Денвер? Роуз так и не сумела снова свести разговор к этой теме. Подруги допили коктейли. Когда принесли счет, Саманта молниеносно достала карту «Виза» и буквально впихнула в руки официантке. Роуз начала протестовать.

– Ты платила в прошлый раз, – беззаботно прощепетала Сэм.

Это была ложь, почти каждый раз это была ложь, но такова уж была Саманта. Роуз смотрела, как подруга оставила официантке на чай и расписалась на чеке, старательно не глядя на Роуз. В последнее время появилась в Саманте Зеллар некая скрытность. Она так аккуратно увиливала от определенных тем... Обычно, когда она узнавала какой-нибудь секрет, то не могла не проговориться. Слишком велико было для нее искушение поделиться тайной, о которой не знали подруги. И Роуз подозревала, что сейчас Саманта что-то пронюхала, но на этот раз юлила и не раскрывала карты.

На улице воздух отдавал гарью и бензином. Посреди тротуара жонглеры показывали огненное шоу. Их булавы были обернуты горящими тряпицами. Ассистент стоял чуть в стороне, держа наготове жидкость для розжига и огнетушитель. Переносная огненная чаша пылала и плевалась искрами, окутывая трюкачей пеленой дыма. Четыре подруги задержались посмотреть на представление и немного погреться.

2. Роуз

Роуз свернула к обочине Опалового переулка. В сумерках темный двор освещался теплыми огнями их домика с верандой. Двенадцать лет назад этот сколоченный вручную дом казался одновременно очаровательным и огромным: три спальни, полторы ваннные комнаты, наполовину отделанный подвал. Такой дом очень бил по карману, ведь вся семья жила на одну зарплату (пусть и достаточно высокую университетскую зарплату Роуз). «Но если вы хотите жилье в черте города и притом к западу от 35-й улицы, то есть хоть немного ближе к горам, тогда будьте готовы к ценам, как в Пало-Альто», – наперебой твердили риелторы. Жестокая ирония для выпускницы Стэнфорда, которая еще со студенческими долгами не расплатилась.

Войдя в дом, Роуз положила сумку у двери и сбросила куртку, наслаждаясь ароматом чеснока, специй и теста: муж готовил домашнюю лапшу. При всех своих недостатках (а их было полно) Гарет кулинару, как шеф-повар из телешоу, предпочитая богатые крахмалом и углеводами ингредиенты там, где Роуз приготовила бы для себя и Эммы что-нибудь из полезных для мозга овощей и продуктов, содержащих «постный белок». Но когда Роуз была так зверски голодна, как сегодня, ей казалось, что она осталась с мужем только благодаря его кулинарным талантам. Уж точно не благодаря его подвигам в постели.

– Привет, дорогая! – жизнерадостно крикнул Гарет с кухни. – Я открыл бутылочку неплохого шираза.

Роуз запрокинула голову и постояла так в темноте, глядя в потолок. «Бутылочку неплохого шираза», – повторила она одними губами и вдавила щербатую бороздку ключа в мясистое основание большого пальца. Так она и стояла, пока не услышала грубоватое хихиканье дочери. Роуз прошагала по узкому коридору, потом через гостиную и вошла в кухню, где ее муж колдовал возле плиты. Рваная серая футболка, заляпанная томатным соусом, бугрилась над наметившимся пузцом. Трехдневная щетина в день свидания.

Эммочки сидели вместе перед экраном ноутбука, болтая ногами под столом. Эмма Кью выискивала и нажимала, будто клевала пальцем, нужные клавиши.

– Привет, моя хорошая. Привет, Зи.

Роуз поцеловала дочь в макушку. Запах девичьего пота и цветочный аромат шампуня. Эмму Зеллар, дочку Кева и Саманты, она мягко похлопала по спине.

– Готовитесь ко Дню истории?

Кью кивнула, не отрываясь от занятия.

– Мы придумали шапку, – Зи показала на ноутбук.

– Она будет сверху, – пояснила Кью. – А теперь придумываем подписи к картинкам.

Роуз посмотрела на экран. Заглавие «РОЛЬ ЛОШАДИ НА ДИКОМ ЗАПАДЕ» было написано таким же шрифтом, как на вывеске салуна в старом вестерне «Додж-Сити». Эммочки вынашивали общий проект уже несколько недель, и тема была идеальной для двух пятиклассниц, помешанных на лошадях. Эмму Кью захватывала романтика выбранной темы, и она составляла списки прочитанных ею романов о лошадях и известных преданий о героических конях Дикого Запада. В прошлые выходные по настоянию Роуз Гарет поехал с дочкой в Денвер за дополнительными материалами. Вернулись они с охапкой старых открыток. На открытках были сцены объездки мустангов и портреты индейских вождей на боевых конях. В порыве вдохновения Роуз даже помогла им сделать подборку кадров из классических вестернов. А чтобы проигрывать эту нарезку, она пластиковыми хомутиками прикрепила к фанерной основе всего коллажа старый «Айпод».

Общий результат весьма впечатлял, хотя, по мнению Роуз, Кью сделала большую часть рутинной работы, а Зи в основном командовала. За дело она бралась только тогда, когда не оставалось терпения наблюдать за неспешной Кью. Вот и сейчас Зи отпихнула подругу от кла-

виатуры и конфисковала ноутбук. Вся в Саманту. Уж она-то печатала вслепую. Глаза у Эммы Зи были как у отца, с тяжелыми веками.

Стуча по клавишам, девочка сосредоточенно смотрела в текст. Экран освещал ее лицо в форме сердца, так похожее на лицо Саманты: та же кремовая кожа, тот же идеальный нос.

Эмма Кью была более плотной комплекции, как Гарет. Роуз все ждала, когда у дочери уйдет «щенячья пухлость», хотя уже и смирилась, что, скорее всего, Кью так и не станет худышкой. Кожа у девочки была тонкая до прозрачности, вся пронизанная венами. В определенном освещении она даже казалась голубоватой. Тип кожи Эмме достался от матери. В юности Роуз очень комплексовала из-за своей бледности. Учителя считали, что девочка болезненная и к ней надо проявлять мягкость и заботу. Роуз очень быстро научилась пользоваться таким отношением к себе взрослых, хотя волновалась порой, что мнимая болезненность и пиетет, проявленные сердобольными взрослыми, переросли в совсем не воображаемую хрупкость Эммы Кью.

Девочки начали обсуждать подписи под картинками. Каждая мелочь тщательно обговаривалась. Роуз покачала головой.

– Что? – спросил Гарет.

– Да просто люблюсь девчонками...

Роуз кивнула в сторону подружек.

– Понимаю. – Муж глотнул вина.

– Они так усердно работают.

– Как и ты.

За эти слова Роуз готова была расцарапать мужу лицо, хотя и знала, что семейный терапевт тоже под ними подписался бы.

«Знаете, в основе каждого брака есть каркас, на котором все держится. Вам с мужем надо этот каркас выстроить заново».

Гарет моргнул дважды, удивленный мягким поведением супруги.

– Ладно, девочки. Макароны готовы, – сказал он. – Тесса будет с минуты на минуту.

Он водрузил на стойку две тарелки, на которых лежала гора спагетти, соус болоньезе и ароматные чесночные гренки по бокам. Зи закрыла крышку ноутбука, отставила его, и две Эммы принялись уплетать кушанье.

Звонок в дверь раздался, когда Роуз переодевалась в спальне. Женщина услышала тяжелые шаги мужа в коридоре. Входная дверь со стоном открылась.

– Здравсьте, Гарет.

– Привет, Тесса.

Роуз почувствовала легкую дрожь беспокойства, как только дочь Лорен вошла в их дом. Но она быстро заставила эту дрожь утихнуть. Мазнув по губам рубиновой помадой, Роуз направилась на кухню. Две Эммы пересели за стол. Теперь они стояли на коленях на стульях, склонившись над трехстворчатой основой для проекта, и старательно вырезали и клеили. Тесса сидела у стойки, скрестив голые лодыжки. Она уже раскрыла свой блокнот для зарисовок. Девушка неуверенно улыбнулась хозяйке дома.

– И давно ты решила вернуться к черному цвету?

Роуз подошла к ней и погладила по волосам. Волосы на ощупь напоминали солому.

– Да вот только вчера. – Тесса повернула голову, поправляя прическу. – Вам нравится?

– Очень!

«Гораздо лучше кислотно-розового», – подумала Роуз. Ноздри ее уловили химический запах краски для волос. Роуз посидела и поболтала с Тессой и поразилась, внезапно осознав, какой хорошенькой стала дочка Лорен всего за несколько месяцев в одиннадцатом классе. Новый цвет волос, стрижка. Каре открывало шею сзади и обрамляло бледное лицо, угловатый подбородок, гладкие щеки. Тесса часто моргала: может, контактная линза отошла или была суховата, но, что странно, эффект был волшебный. Казалось, что две бабочки синхронно скла-

дывают крылья. Глаза у девушки были цвета моря, и точно такого же цвета были горошки на свободно повязанном шейном платке. Азра как раз недавно упомянула о необычном образе Тессы: как удачно у нее получалось сочетать особенности своей внешности с неповторимым эклектическим имиджем.

Как приятно увидеть, как в этой девушке снова зарождается красота! Не один год Тесса была любимой няней для детей помладше. Она очень напоминала Эммочек, только повзрослее. Милая и открытая, острая на язык, немного болтушка, но очень приятная в общении, мамина гордость (которую Лорен часто проявляла в невыносимых формах). И действительно, было чем гордиться. Овдовев, Лорен компенсировала утрату тем, что бросила все силы на развитие и образование дочки. Высшая математика, китайский, боевые искусства, уроки музыки от первой флейты Денверского симфонического оркестра... к восьмому классу Тесса стала ходячим эталоном всесторонне развитой девочки. Глянешь на нее – и начинаешь верить в правильность гиперопеки, которую проявляли к своим детям все четыре мамы-подруги (но не каждая такой подход за собой замечала и не каждая себя корила за это).

Потом, в летние каникулы перед старшими классами, Тессу будто подменили.

Роуз так и не выпытала у Лорен всех подробностей. Девочка начала очень изобретательно врать. Стала встречаться с десятиклассником с плохой репутацией. Потом было несколько рискованных затей. А однажды, когда Тессу попросили посидеть с Эммой Зи (которой тогда было всего восемь), нерадивая нянька оставила ее одну на несколько часов в пустом доме Зелларов. Когда Кев и Саманта вернулись, было уже за полночь. Их дочка накрылась одеялом и плакала, боясь сойти с кровати. Тесса сильно напилась и пригрозила, что если Эмма опустит ноги на пол, придут монстры и порежут ей ступни.

Сама Тесса объявилась только под утро. Под глазами круги от размазанной туши, в руках пакет из аптеки. Лорен с порога налетела на дочь с упреками, но та только рыкнула в ответ и закрылась в ванной. Через час она явилась оттуда преображенная. Вместо длинных угольно-черных кос – жалкие обрезки пошлого чернильно-синего цвета.

В начале переходного возраста было еще несколько гадких эпизодов. Спиртное, таблетки, резала себя, воровала в торговом центре. Попытки Лорен вмешаться только усугубляли ситуацию, и наконец пришлось поставить Тессе ультиматум: либо школа-интернат для трудных девочек-подростков в штате Миссури, либо интенсивный трехмесячный курс реабилитации в денверской наркологической клинике. Тесса выбрала реабилитацию и только через полгода после возвращения начала по-настоящему приходить в норму. Вынула пирсинг из носа, снова стала смотреть взрослым в глаза.

Несколько недель назад Лорен наконец уговорила Роуз пригласить Тессу посидеть с дочкой. «Тессе очень нужна работа, – упрашивала мать, – а Зеллары отказываются наотрез. Хотят посмотреть сначала, как она поведет себя с другими».

Азра говорила, что все болеют за Тессу, но Роуз не очень-то этому верила. Особенно в том, что касается Саманты. Та, похоже, испытывала постыдное удовольствие, подмечая признаки грядущего провала Тессы.

А Роуз видела просто девочку, которая балансирует над бездной и готова схватиться за протянутую руку.

В дверь снова позвонили. Гарет глянул в телефон и сказал:

– А это Кев.

Он вытер руки полотенцем. Вид у Гарета был недовольный. Роуз поднялась и пошла открыть.

На пороге стоял Кевин Зеллар. Он жизнерадостно выкрикнул: «Привет, док!» – и сверкнул улыбкой, которую обычно включал, общаясь с бизнесменами и инвесторами. Кевин обнял хозяйку, и его ветровка зашуршала. Его дыхание пахло мятой, но ароматизатор леденца не смог полностью перекрыть нотку бурбона. Волосы Кева были песочного цвета, расчесаны небрежно,

глаза с тяжелыми веками, как у Эммы Зи. Гость бодрым шагом направился на кухню, и Роуз последовала за ним.

– Отлично получается, девчонки! – похвалил Кев, глядя на проект о лошадях. Он наклонился поцеловать свою Эмму Зи, взъерошил волосы Кью. – Когда сдавать?

– В понедельник, – ответила Зи. – За выходные надо все доделать.

– По мне, можно и так оставить.

– Вина? – спросила Роуз больше для того, чтобы досадить Гарету. – У нас есть бутылочка неплохого шираза.

– Почему бы и нет? – с чувством произнес Кев, сбрасывая с плеч ветровку.

Стоявший позади гостя Гарет раздраженно скрестил руки на груди. Муж хотел уже скорее поехать на свидание, но Роуз коротко кивнула ему, и Гарет налил немного шираза в баночку из-под джема. Кев сделал долгий глоток.

– Непростой выдался день? – спросила Роуз, наслаждаясь моментом.

– Да знаешь, док, все как обычно. Недовольные миллионеры, интернет-гуру не старше тридцати. Да еще и мэру задницу припекло на этой неделе. – Кев скорчил рожу, а потом опомнился и пристыженно посмотрел на девочек. – Прошу прощения.

– О, поверь, Кью в этом доме слышала слова и похуже, – заверила Роуз, адресуя реплику Гарету.

Тесса оторвалась от своего блокнота и рассмеялась. Кев отсалютовал баночкой из-под джема и тоже рассмеялся. У него был глубокий приятный смех брокера, который добавлял ему очков в политических и финансовых кругах, где вращались Зеллары.

Кев служил в Городском совете Кристала, да при этом еще управлял крупным фондом акционерного капитала и членствовал в советах десятков некоммерческих организаций и фондов. Он любил позаигрывать, но руки не распускал. Тем не менее обходительность Кева по отношению к Роуз временами действовала Гарету на нервы. У этих двоих было мало общего: что в поведении, что во внешности, что в устремлениях

(Роуз было стыдно, что она с таким равнодушием думает о своем преданном муже. Но она не терпела лжи и много раз повторяла терапевту, что ей противны все эти фальшивые уверения, которые шепчут друг другу супруги, лишь бы удержать свой брак на плаву.)

– Ну что, готова, солнышко? – спросил Кев у дочери.

– Можно я еще немножко побуду здесь? – умильно попросила Зи. – Хочу доделать подлиси. Пожалуйста!

Кев посмотрел на Роуз. Та пожала плечами. Кев протянул баночку для джема Гарету, чтобы тот подлил ему вина.

– Пожалуйста, если хочешь. Мы едем в суши-бар, – ответил Гарет, игнорируя жест гостя. – Тесса, ты не против посидеть с обеими девчонками?

– Нет.

Тесса встала с табурета. Блузка натянулась у нее на груди.

Роуз сузила глаза.

– Тесса, – ласково обратилась она к девушке, – проследи, пожалуйста, чтобы Кью легла в девять. Скорее всего, тебе придется забрать у нее читалку.

– Конечно, – отозвалась Тесса. – Я буду в гостиной, если что.

И она вышла из кухни с блокнотом под мышкой.

Гарет отправился в спальню за чистой рубашкой и толстовкой. Когда они вышли из дома, Тесса сидела у плиты, а Кев за кухонным столом подливал себе вина и наблюдал за работой двух Эммочек.

3. Эмма Зи

«К пятому классу у ребенка формируется свое «я», неповторимое благодаря уникальным нейронным связям в мозгу. Кроме того, повышается способность к анализу, благодаря чему в извилинах пятиклассника...»

– Что такое извилины? – спросила Эмма Зи.

– Ой, извини! – Эмма Кью случайно задела волосы подруги раскрытым журналом. – Вот это. Твои мозги.

– Тогда почему бы не написать *понятно*?

– Не знаю, – сказала Кью. – Чтобы не повторяться. Извини.

Зи перевернулась на другой бок и выглянула из окна спальни подруги. Дом семьи Холланд-Квиннов был не такой большой и красивый, как у Зелларов. Из спальни Кью был виден только торец куда более крупного дома, строящегося по соседству. Маленький домик на том участке снесли прошлым летом.

«Все маленькие домики в Кристале обречены на снос», – часто шутил отец Эммы Зи.

– Будешь слушать дальше? – спросила Кью.

– Ладно, – вздохнула Зи.

Кью громко набрала побольше воздуха и продолжила читать.

«Кроме того, повышается способность к анализу, благодаря чему в извилинах пятиклассника появляется четкое и болезненное осознание, в каком качестве он вписывается (или не вписываются) в определенные социальные группы. Имея при этом богатое воображение, вашему ребенку может быть одиноко, он может чувствовать себя отщепенцем с низкой самооценкой».

Кью остановилась.

– Ой. Боже мой.

– Что такое?

– Неправильное подчинение деепричастного оборота.

Зи недоуменно молчала.

Кью объяснила:

– «Имея богатое воображение» не сочетается с фразой «ребенку может быть одиноко», оно относится к конструкции «ребенок чувствует себя так-то». Поэтому там не должно... а, ладно. Извини.

Эмма Кью вечно извинялась. За то, что говорила слишком заумно, за то, что тормозила, за то, что ела слишком быстро, за то, что читала слишком много. Хотя Зи было наплевать, как и сколько Кью ест, читает и говорит.

– А когда начнется интересная часть?

– Я уже подхожу к ней. – Кью перелистнула страницу. – О-о, а вот это здорово! Мама здесь даже подчеркнула. «Ваш пятиклассник, скорее всего, сейчас потихоньку вступает в переходный возраст, особенно если у вас дочь. Не медлите! Расскажите своему ребенку (независимо от пола) о физических изменениях, происходящих в пубертатном периоде: появлении груди, прыщах, лифчиках, волосах на лобке и под мышками, менструациях, увеличении тестикул...»

– Фу-у-у, какая гадость! – взвизгнула Зи, повернулась, схватила подушку и бросила ее в лицо Кью. Журнал выпал из рук подруги и перепорхнул на пол.

Некоторое время они катались со смеху, держась за животы. Подумать только, *появление груди! Волосы на лобке! Менструации! И особенно тестикулы!* Настолько мерзкого слова Зи в жизни не слышала.

Когда подруги наконец успокоились, Зи спросила:

– И почему твоя мама вообще дает тебе такое читать?

Кью пожала плечами.

– Она оставляет журналы на бачке унитаза. Говорит, я должна знать, что происходит с моим мозгом и с моим телом. И еще говорит, большинство родителей считают своих детей глупее, чем на самом деле, и пытаются от них что-то скрыть.

– А я вот сейчас читаю «Остров голубых дельфинов».

– Я его прочитала еще во втором классе.

– Я тоже.

По правде говоря, Зи пока даже не притронулась к книге, но она лежала у нее на прикроватной тумбочке вместе с десятью другими книгами, которые подсунула ей мама. Зи ненавидела читать, но делала вид, что обожает, просто потому что так было проще.

– И все-таки, как считаешь, это правда? – спросила Кью.

– Что именно?

– Насчет детей, которые не вписываются в коллектив. Которые в пятом классе начинают тосковать из-за того, что их не принимают?

– Ну конечно, правда, – подтвердила Эмма Зи, садясь на кровати, потому что *вот эта тема* была по-настоящему *интересной*. – В нашем классе полно ребят, с которыми мало кто водится. Вот, например, эта Кэти Джонстон.

– Она *настолько* толстая... – сказала Эмма Кью шепотом, несмотря на то что девочки были наедине.

– А Калев Бингхэм?

– А он... ну ты поняла.

Зи подумала о Калеве с его ортопедическими фиксаторами на ногах. О его кособокой походке.

– Так жаль его, – произнесла она.

– Да.

Наступило полное сочувствия молчание. Зи взяла телефон и написала папе: «*Может, пойдём?*»

Внизу, на кухне, отец Эммы Зи сидел возле стойки вместе с Тессой и объяснял ей что-то про деньги. Зи залезла в шкаф, выудила из коробки третье по счету печенье, не обращая внимания на нахмурившуюся Кью. Роуз не разрешала дочке брать второй десерт.

– Но это, наверное, хорошая идея, как вы думаете? – спросила Тесса собеседника, убирая за ухо черную прядку.

Зи посмотрела на свое отражение в окне над раковиной и попыталась повторить это движение. Тесса стала намного красивее, но такой жест гораздо лучше подходил к длинным волосам, например к песочной шевелюре Зи.

– Тогда позволь спросить, – отозвался Кев, – сколько эти жмоты платят тебе, чтобы ты присмотрела за Эммой Кью? Десять долларов в час? Двенадцать?

– Пятнадцать, – ответила Тесса.

Кев удивленно поднял брови.

– Впечатляет. Ну что ж, положим, ты работаешь два часа. Уже тридцать. Еще четыре-пять раз посидишь с ребенком и можешь взять плеер за двести долларов в кредит на полгода под 2,7 процента. Пока что все ясно?

– Ага, – кивнула Тесса. Она бросила встревоженный взгляд на девочек и поджала губы.

Эмма Зи улыбнулась. «Попала Тесса», – подумала Зи. В кругу друзей часто посмеивались над тем, как папа любил разглагольствовать на тему денег. Мама Тессы однажды назвала это *Кевлекциями*. Лорен удивительно похоже изобразила папу в разгаре такой лекции. Теперь, едва он начинал трещать об инвестициях и накопительных счетах, в голове у Зи всегда возникала эта дружеская пародия.

– Через пять лет тебе накапает баксов тридцать процентов, – продолжал Кев. – Казалось бы, небольшая сумма. Но если сделать вклад в десять-двадцать раз больше, чем мы обсуждали, скажем, пару тысяч, то проценты будут составлять сотню-другую баксов. Опять же, не такая уж и большая сумма, но надо мыслить на перспективу, Тесса. И это мы говорили про какой-то вшивенький плеер. Может, подкинуть тебе идею получше? Делаешь пенсионный вклад по упрощенной системе, потому что тогда можно будет получать проценты с...

Зи не выдержала и громко рассмеялась. Тесса отвернулась, пряча улыбку ладонью.

Кев откинулся на спинку стула и сложил руки на груди.

– Вот, значит, как! Похоже, дело всей моей жизни для вас, девочки, просто повод посмеяться?

Он взял дочку к себе на колени. Зи все хохотала и хохотала, и отец в конце концов ссадил ее на пол.

– Извините, Кев, – сказала Тесса.

– А я уже успел обидеться, – улыбнулся Кев. – Я просто хочу сказать, чем раньше ты начнешь откладывать, тем лучше. И не важно, по какой схеме.

– Я поняла.

– Да, кстати. – Лицо его стало серьезным. – Очень приятно тебя видеть, Тесса. Рад, что ты теперь снова с нами.

– Спасибо, Кев.

Тесса снова тряхнула головой, но голос у нее тоже был серьезный.

– Ну вот и хорошо. – Кев трижды стукнул костяшками пальцев по столу и посмотрел на сидящую на полу дочь. – Ты готова, родная?

Идя через двор к машине, Эмма Зи бросила взгляд на окно маленького домика. Тесса и Кью устроились на диване. Тесса что-то писала в телефоне, у Кью в руках была читалка «Киндл». Они даже не разговаривали. Если честно, они обе выглядели одинокими.

«Наверное, Кью очень обидно, – подумала Зи, – что ее папа не такой классный, как мой. А Тессе, наверное, вообще грустно, ведь у нее папы совсем нет».

4. Роуз

Приехав в «Шо-бу», супруги разулись в передней и заняли низкий столик в углу.

Вместо стульев здесь были подушки. Этот суши-бар был идеален для интимных встреч. «Фу-у...» Когда они расположились вполне удобно, Гарет разделил бамбуковые палочки и принялся теревить обломанные кончики. Он ждал, что Роуз первая нарушит неловкое молчание, которое теперь все время тяготело над ними.

– Проект у девочек выходит замечательный, – сказала Роуз. Эта тема была знакомой и нейтральной. – Спасибо, что помог им.

– Я и сам узнал много нового благодаря им, – ответил муж. – Ты знала, что когда-то в западных штатах было более двух миллионов мустангов?

– М-м...

– А что лошадей в Новый Свет завез Христофор Колумб?

– Вот как?

– Хотя до сих пор ведутся споры, можно ли считать испанского мустанга местным видом или чужеродным. Вроде как этот вид развился в Новом Свете, потом часть популяции пересекла Берингов пролив и осела в Евразии, а в Америке тем временем лошади вымерли.

Роуз наострила уши.

– Значит, девочки и с научной точки зрения рассмотрели вопрос?

– Ну... наверно, – нахмурил брови Гарет.

– На плакате я не видела истории о происхождении лошадей.

– Эмма Зи решила, что там и так всего полно.

– А может, вставить это куда-нибудь на боковушку? – предложила Роуз. – Историческая биология сейчас в моде.

– А тебе не кажется, что все это перебор?

– Что ты имеешь в виду?

Муж пожал плечами.

– Ну... все эти навороты. Кому мешали старые добрые рефераты по книгам?

Что больше всего раздражало Роуз в муже, так это его всегдашние приливы ностальгии по жизни без современных технологий. В такие минуты Гарет напоминал Роуз ее отца. *Кому мешали старые добрые дисковые телефоны? Старые добрые печатные машинки? Старая добрая ручная коробка передач?*

Женщина поднесла к губам фарфоровую чашу с мисо-супом.

– День истории – это особого рода соревнование, – сказала она в перерыве между глотками, – как и все остальное. Но Флора Уилсон-Бьянки прошла на общегосударственный уровень со своим проектом о культуре Анасази, и я считаю, у девочек есть все шансы выйти со своей лошадиной темой хотя бы на уровень штата.

Гарет вздернул бровь.

– Что не так? – осведомилась жена.

– На уровень штата? Им одиннадцать лет, Роуз.

– М-м...

Она сделала глоток побольше.

Гарет порой был таким святошей! Видно, считал, что положение отца, ведущего домашнее хозяйство, дает ему право не принимать всерьез заботу Роуз о развитии и образовании дочки, ставить под вопрос ее предложения касательно воспитания. Он вел себя так, что Роуз чувствовала себя виноватой уже в том, что вообще высказывала какие-либо предложения. У них были абсолютно разные подходы в вопросах родительства. Однажды Гарет взбесил ее,

описав ситуацию как «философ против курицы-наседки». Именно эти расхождения в итоге заставили супругов летом обратиться к психологу.

Роуз еще могла смириться с пассивностью Гарета в роли мужа, к тому, что она не получала от мужа так необходимой близости и страсти. В конце концов, у Роуз были и настоящие подруги, и любимая работа. Но когда дело касалось дочери, Роуз боялась, что ощущение неуспеха и застоя Гарета отразится на Кью, что попустительство мужа уже накладывает отпечаток на разум и тело дочери: будь то бесконечные булочки и печенья, которые Гарет пек для Эммы на перекус после школы, или его бездумное потакание желаниям дочери (например, он ничего не делал, когда девочка по третьему кругу перечитывала «Гарри Поттера», при том что мог бы использовать ненасытную страсть Эммы Кью к чтению и подсунуть ей что-нибудь новое, поинтереснее и посложнее). Конечно, жить в такой пароварке, как Кристал, для детей непросто, но на собственном опыте обучения и работы Роуз знала: большинство событий можно контролировать, нужно только усердно работать и планировать на будущее. Роуз все еще лелеяла надежду, что терапия поможет Гарету увидеть преимущества более управляемого подхода.

– Что нового в больнице? – спросил муж.

Снова вернулись на нейтральную территорию, точно по сценарию. Как мило. Роуз ответила:

– Несколько тяжелых пациентов.

– На следующей неделе возвращаешься в лабораторию?

– Если ты не против, то уже на этих выходных, – откликнулась Роуз. – Предварительные документы для подачи заявки нужно сдать в администрацию через пару недель.

– Для НЦИЗ?

Жена кивнула и улыбнулась. Ей было приятно, что Гарет запомнил. Последние несколько недель (с поддержкой завкафедрой и декана медицинского факультета) Роуз готовила свою лабораторию к подаче заявки на крупный грант от Национального центра исследования заболеваний. Выиграть такую сумму значило бы обеспечить себе доход на ближайшие десять лет карьеры, а сверх того два повышения, стипендии для студентов и научных сотрудников, приобретение новых аппаратов и оборудования для лаборатории. Короче, это сделало бы Роуз Золушкой на балу неврологов. Чтобы подготовиться все для борьбы за грант, придется в ближайшие месяцы засиживаться допоздна, а выходные проводить, как завзятый трудоголик, – на рабочем месте. Оставалось только надеяться, что все эти жертвы не напрасны.

И все же было и горько, и сладко слушать рассказ Гарета о том, как прошел его день, и говорить о дочери. Роуз была так поглощена работой, что ей не вполне удавалось наслаждаться моментом. За едой Гарет несколько раз рассмешил жену. Он еще сохранил крохи писательского остроумия, от которого когда-то давно у нее все внутри замирало.

Как и от каждой мелочи в облике и манере Гарета Квинна. От того, как он скрещивал ноги, когда корябал заметки или печатал. От кудрявых завитков вокруг его ушей. От того, как он сам себя поправлял в разговоре, будто перо редактора было встроено в лобную долю его мозга. И Роуз, помешанная на мозгах, когда-то думала: «Боже, какая у него лобная доля!»

Когда они с Гаретом познакомились, он как раз опубликовал сборник рассказов. Из Анн-Арбора писатель переехал за Роуз в Стэнфорд, и вскоре после этого издательство приобрело у него первый роман. Наверное, уже тогда студентка медицинского в глубине души опасалась, что жизнь обломает Гарету крылья. Потому что шестизначный аванс, о котором твой жених восторженно трещит за бокалом роскошного вина во французском ресторане «Ше Панисс», кажется большой суммой. Но несколько месяцев спустя начинаешь понимать, что речь совсем не о полумиллионе, что пятнадцать процентов надо отдать агенту, а еще двадцать в уплату налогов. Оставшиеся шестьдесят пять процентов будут разделены на шесть частей и прихо-

дять будут в течение нескольких лет. Да к тому же, три выплаты из шести под вопросом и будут перечислены, если жених, уже превратившийся в мужа, напишет второй «долгожданный» роман. Роман, который ему не суждено закончить.

Все это Роуз осознала только тогда, когда они переехали в Кристал. В тот момент что-то изменилось в их отношениях и в самом Гарете. Сначала перемена в нем была почти неосязаема, но по мере того, как карьера Роуз набирала обороты, писательство мужа окончательно заглохло. А вместе с ним исчезла большая часть его очарования и сдулись все его амбиции. Гарет всегда был склонен к отстраненным философствованиям, а теперь еще больше ушел в себя, уклонялся от ссор и конфликтов, никогда не повышал голоса. Вместо этого он взрастил в себе равнодушие практически ко всему. Ему было все равно, купить ли новую машину, сходить ли в новый ресторан, завести ли ребенка.

А Роуз всегда планировала иметь ребенка. Но чувствуя состояние Гарета, она поняла, какое блеклое будущее ее ожидает рядом с этим апатичным человеком. Через два месяца после своего тридцатилетия Роуз решила бросить Гарета и начала в красках представлять, как купит квартиру недалеко от Изумрудной аллеи, найдет себе целеустремленного спутника с четкой позицией, снова будет свободной.

А потом... Эмма.

Роуз без труда вычислила точную дату зачатия. На протяжении этого сложного периода секс у них случался крайне редко. В тот день она как раз узнала, что выиграла крупный грант для своей лаборатории детской неврологии в Дарлтонском университете. Они с коллегами отпраздновали событие шампанским, потому в дом Роуз вернулась нетвердой походкой. А там ее ждал роскошный ужин из пяти блюд, приготовленный мужем. Еще Гарет купил для нее цветы и шоколадные конфеты, так что незащищенный секс был инициативой Роуз.

Три недели спустя у нее впервые в жизни была задержка. А теперь, двенадцать лет спустя, – вот это...

Энтропия. Медленный и неумолимый упадок. Гарет вел литературные курсы в местном колледже, но не каждый семестр. На нем держалось все домашнее хозяйство, так что Роуз могла сколько угодно засиживаться в лаборатории. Но когда Гарет не преподавал, он отгораживался от всех, предпочитая проводить время с Эммочками вместо того, чтобы выходить во взрослый мир, будь то в поликлинику или на семейную встречу. Единственным человеком в Кристале, с кем Гарет более-менее регулярно выпивал пивка или ходил в кино, был Бек, бывший муж Азры. Но теперь приятель заходил нечасто: близнецов надо было возить на тренировки и матчи, да еще у Бека появилась новая жена и недавно родился ребенок, плод его безалаберности в делах амурных. Роуз часто думала: «По крайней мере, Гарет мне никогда не изменял». Хотя, может быть, она зауважала бы его, если бы узнала о любовнице. По крайней мере, это говорило бы о некоторой цели в жизни мужа. Об устремлениях. О страсти.

Она искоса посмотрела на Гарета, подсвеченного сзади мягкими лампами суши-бара. Уже несколько минут Роуз тыкала палочками шарик васаби. Она рассеянно поднесла палочки ко рту и проглотила его целиком, будто это всего лишь кусочек хлеба. Гарет смотрел на жену, широко распахнув глаза и в любую секунду ожидая, что она закричит и схватит стакан с водой. Вместо этого Роуз, не обращая внимания на пылающие язык и десны, спокойно потянулась палочками к миске с рисом, подняла небольшой комочек и отправила в рот. В уголках ее глаз собирались слезы.

Позже она стояла в дверях ванной, чистила зубы и мечтала: вот бы у нее была спальня размером с королевскую опочивальню. Ночью какие-то тридцать-шестьдесят сантиметров свободного пространства между супругами могли бы оказать волшебное воздействие на то, что осталось от их брака. Роуз устроилась под одеялом и, повернувшись к Гарету спиной, читала медицинский журнал, ожидая, когда рука мужа коснется шеи и спины. Она старалась не вздрогнуть и не отшатнуться.

– Не сегодня, Гарет. Извини, наверное...

– Наверное, дело в васаби, – сказал муж.

Сама того не желая, Роуз рассмеялась и повернулась посмотреть на него.

– В другой раз.

– Хорошо. – Он кивнул, не выказав недовольства.

Тут ей пришла в голову мысль. Роуз перевернулась на спину и привстала на локтях.

– Слушай, Эмма Зи говорила что-нибудь насчет школы?

– Что ты имеешь в виду?

– Саманта сказала, что они собираются куда-то перевести ее в следующем году. Вроде как Кев ищет варианты. Может быть, в независимую школу...

– Кев ничего такого не говорил.

– Странно, – заметила жена. – Но Кью будет тосковать, если Зи станет учиться в другой школе.

– Да.

– Может, спросить у нее? В смысле, у Эммы.

– Не надо, наверняка это просто разговоры. Не хочу, чтобы Кью тревожилась понапрасну.

Роуз снова легла на бок, отвернувшись, и читала, пока буквы не начали переплетаться и расплываться перед глазами. Прежде чем окончательно провалиться в сон, она почувствовала, как муж аккуратно вынимает у нее из рук журнал и выключает свет.

Немножко о Тессе

Руководство по выживанию в одиннадцатом классе

Видеоблог

Выпуск № 28. Наконец-то одна!!!

...6 просмотров...

ТЕССА [Сидит в полумраке.]: Привет никому. Это снова я выступаю с обращением к миллионам восхищенных фанатов, то есть к своей команде из стационара. Привет, Дики, привет, Малютка, привет, Джессика, как дела, Морис? [тяжелый вздох] Знаете, есть что-то жуткое в пустом доме. Ну, то есть не сказать что он совсем пустой, потому что мелкая засранка спит наверху. Но вокруг такая тишина... Мне иногда как раз это и нужно. В общем, меня только второй раз позвали посидеть с ребенком после возвращения в город. Самое смешное, зачем Кью вообще нужна нянька? Мама оставляла меня и Ксандера одних, когда мне было лет десять, так что я вас умоляю! Притом она такая рохля, сидит себе, читает и делает все, что ей указывает Роуз, потому что хочет, чтобы доченька «добилась наилучших результатов».

[Изображение трясется, потому что Тесса меняет позу, теперь она сидит, откинувшись на спинку дивана.]

Ну ладно, перейду к главной новости, если вы, ребят, все-таки меня смотрите. У меня теперь есть работа. Настоящая работа, а не это дерьмо. [Оглядывается по сторонам.] Меня берут в секонд-хенд «Расцвети». Они продают всякие клевые подержанные шмотки под реализацию. Это магазин Азры, маминой подружки, я буду работать там три смены в неделю, потому что, цитирую: «Тесса, мне всегда нравился твой стиль» – конец цитаты. Давайте по чесноку: работа швах, естественно. Но платят вполне нормально плюс процент с продаж, ну и вы знаете, что шмотки – моя слабость. И не волнуйтесь, я не солью денежки на нюхло или таблетки и всякую дрянь, как в тот раз. Хотя... [Смотрит влево.] у меня есть свои потребности.

[Поворачивает камеру, чтобы показать кухню. Открытая бутылка вина и баночка из-под джема на стойке. Рука Тессы наливает немного вина в баночку.]

Итак, насчет нянства. Что за бред? Одно дело, когда надо менять подгузы, кормить и всякое такое. И это, конечно, отстой. Но когда мелкие подрастают и могут сами себя обслуживать, то, по сути, тебе платят, а ты делаешь ВСЕ, ЧТО ДУШЕ УГОДНО.

[Подносит вино к губам. Делает два глотка. Остальное выливает в раковину.]

Не сказать что среда располагает к трезвости, правда? Но, ребят, я стараюсь и, в конце концов, два глоточка-то можно?

[Долгий вздох. Ставит телефон к стене, руки кладет на стойку. Лицо крупным планом, подбородок лежит на сложенных руках.]

Я так рада, что у меня есть этот блог, потому что, знаете, я так скучаю по нашей команде... Честно, я бы даже вернулась на сорокадневную групповую терапию в Свит-Мэдоу, лишь бы вас снова увидеть, ребят.

Я не шучу. Знаете, как на меня здесь смотрят? Видели бы вы, как Роуз нахмурилась, стоило мне войти в дом. Как мне хотелось залепить ей пощечину, чтобы стереть с ее физиономии это встревоженное выражение! Эта дрянь притворялась, что все путем, но я-то ее насквозь вижу! Боится, как бы я не стала шарить по шкафам и тырить цацки, как раньше. Копаться в их жалких секретиках. Все думают, что я типа той Лиззи Борден или еще какой няни-маньячки из новостей. Думают, что придут домой и найдут своих детей зарезанными в кроватях. Или что я буду трахаться с их мерзкими муженьками. Они все такие самодовольные. Думают, что все знают, потому что они взрослые. Но они ни черта не знают. Ни чер-та. [Прикусывает губу, на глазах слезы.] Но просто иногда я не могу понять, почему я вообще должна так напрягаться! Зачем я все это делаю? Чего я вообще хочу добиться в жизни? Это похоже на групповую терапию. О боже, ребят, помните доктора Дуси-Дундуси? [Придвигается ближе к камере, говорит низким голосом, изображая мужчину.] Какой у вас план на ближайшие пять лет? Какая у вас главная цель, друзья? [Отстраняется.] В этом-то весь вопрос, понимаете? Какая у меня главная цель?

5. Бек

Он свернул на съезд, на четырехполосную дорогу, и направился на запад. На заднем сиденье близнецы готовились к бою: вытряхнули экипировку из рюкзаков и спешно одевались и обувались. Длинные полосатые чулки, шипованные бутсы, щитки на голени. Чарли закрепил на плече повязку капитана на липучке.

– Ребят, хотите батончик или «Гаторэйд»²? – спросил Бек. – Скоро супермаркет «7-11», дальше негде покупать будет.

– Нет, нам ничего не надо, – громко сказал Чарли.

В наушниках у него распался хип-хоп.

– Эйдан, а тебе?

– Нет, спасибо, – отозвался Эйдан куда тише.

Огромная масса пика Пайка маячила на юго-западе. Часы на приборной панели показывали 10:54. Два часа ехать из Кристалла, чтобы успеть к полудню на матч в Футбольном комплексе пика Пайка.

Выездная игра, элитный уровень футбола. Много километров накручено, много съедено фастфуда из «Панеры». Но Беку нравилось возить сюда мальчишек. Их команда проходила на этот уровень не меньше двух раз осенью и хотя бы один раз весной. Здесь ребята играли с тремя крупнейшими футбольными клубами в регионе. Сегодня был матч лиги против сборной Южного Колорадо, приличной команды, которая всегда была достойным соперником Кристалльского футбольного клуба.

Бек съехал с четырехполосного шоссе, и его «Ауди Ку-7» пристроилась в хвосте блестящей тысяченожки из джипов и мини-вэнов на въезде. Бек притормозил у обочины.

– Утрите им носы, ребята!

– Бу-сде! – Чарли выскочил из машины, не оглядываясь.

Эйдан остался сидеть. Бек обернулся к сыну.

– Все в порядке, парень?

Эйдан смотрел в окно, как брат присоединился к товарищам по команде.

– Что тебя беспокоит?

– Он, – признался Эйдан.

– Чар-Чар?

– Да.

– А что с ним не так?

– Я думаю, он сегодня не выйдет в стартовом составе, пап.

– Да ладно, – отозвался Бек с непринужденным смешком. – Чарли ведь капитан.

– Он стал играть небрежно. Тренер то и дело отзывает его в сторону. Я тебе рассказывал на той неделе.

– Слушай, Эйдан. Оба мои сына выходили в стартовом составе каждой игры, начиная с U9³. Тренер не может не выпустить Чарли на поле.

– Как скажешь.

Эйдан нажал на ручку двери.

– Хорошей тебе игры!

Эйдан ухмыльнулся, вылезая из машины.

– Я-то точно буду играть.

² «Гаторэйд» (Gatorade) – серия популярных спортивных напитков, выпускаемая компанией «ПепсиКо» (прим. пер.).

³ U9, U10, U11 – обозначение возрастной группы футболистов, соответственно, младше 9 лет, 10 лет, 11 лет и т. д. (прим. пер.).

Бек смотрел, как сын подошел к остальным. Ему было неприятно думать, что опасения Эйдана не напрасны. Действительно, в последнее время Чарли стал сдавать. В нем чувствовались признаки уныния, и играл он посредственно, но Бек списывал это на невезение. На прошлой неделе, на матче в Литтлtone (который они проиграли), сын недооценил несколько пасов и пропустил мяч в упор. Это было неприятной неожиданностью, потому что Чарли так долго считался ключевым игроком: он был капитаном с самой любительской лиги, а за три года выездных игр забил больше всего голов.

Он был заводилой в паре близнецов: первым появился на свет, воя, словно волчонок.

Прямо перед началом игры Бек присоединился к другим родителям членов команды. Приятная, сдержанная компания ожидала на бровке. Но было в этой компании одно великолепное исключение.

– Привет, здоровяк! – Уэйд Мелтцер хлопнул Бека между лопаток.

На самом деле это Уэйд был здоровяк: метр девяносто, весом под сто двадцать кило. Он переехал сюда из Луизианы. Когда-то он был нападающим сборной Университета Оберна, но на втором курсе повредил колено. Теперь мечты о футболе он воплотил в своем сыне Бакки, мощном центральном защитнике, который преследовал нападающих противника с беспримерной жестокостью («Вот уже два года подряд он лидер лиги по количеству полученных желтых карточек», – любил хвастаться Уэйд).

Беку нравилось стоять на играх рядом с Уэйдом Мелтцером, потому что этот великан выступал в роли рупора: поддерживал любое ворчание Бека насчет судейства или ошибок тренера и ревел своим миссисипским баритоном так, что Бек не вызывал неодобрения других, более спокойных родителей. Своими тягучими тирадами Уэйд доводил судей-подростков до слез. Для родителей команды-соперника он был не хуже спущенного с цепи питбуля у кромки поля.

Мелтцер нравился Беку еще и потому, какой разительный контраст он создавал рядом со смиренными патагонскими родителями, сбившимися в кучку и болеющими за своих отпрысков так, как это принято в обществе. Вся эта рафинированная кристальная культура воспитания детей порой становилась невыносима, и не было ничего приятнее, чем смотреть, какие шокированные взгляды притягивал к себе Уэйд. Но он никогда не пересекал границы дозволенного, и кроме того, этот богатырь был неприкасаем: он был влиятельным адвокатом по уголовным делам, и у всех на слуху были его упорство и жесткость в зале суда. В общем, Бек был рад, что сын Уэйда и его близнецы играют в одной команде. Пока что.

Он обсудил с Мелтцером сильные стороны обеих команд и шансы на победу. Уэйд беспокоился насчет предстоящего матча в Шайенне.

– В следующие выходные каждый игрок должен быть в самой лучшей форме, – заявил он. – Ты уже видел турнирную сетку? Вторая игра в субботу – против «Космоса».

– Это команда из Форт-Коллинза?

– В прошлом году в полуфинале чемпионата «Адидас» мы их размазали 3:1. Но теперь у них новый полузащитник, Баашир. Быстрый такой восточный парнишка, уделал нас в игре лиги в сентябре.

Бек вспомнил жилистого левшу, который играл в той же позиции, что и Эйдан. А еще его папашу, который орал на судью по-арабски.

– Кажется, они копты, – протянул Бек. – Из Египта.

– Да без разницы, главное нам усилить оборону. Я уже сказал Бакки, что ребятам на задней линии хватит уже сопلي жевать. Говорят, что этот Баашир – лучший игрок в штате в своей возрастной группе.

– Вот как?

– Но в любом случае, в следующем году он пойдет в СКАГО, так что нам больше не надо будет о нем волноваться.

Бек нахмурился.

– Правда, что ли?

– Так я слышал.

Бек сглотнул, ощущая мерзкий привкус в горле. Футбольная академия Скалистых гор. Крупнейший юношеский футбольный клуб в Колорадо. Близнецы только о нем и говорили вот уже с полгода. На целую лигу круче, чем Кристальский футбольный клуб, с выездными матчами аж в Аризоне и Канзасе, плюс два раза в год турнир на западном побережье. Но если они получили согласие от этого Баашира на позицию полузащитника, это значило, что Эйдан остается за бортом еще до начала просмотра претендентов.

– Ну что ж...

Бек подергал бороду и посмотрел вдаль, через поле.

Уэйд Мелтцер разговорился с Эми Сасскин, менеджером команды, которая стояла справа от него в ветровке для фитнеса «Лулулемон». Она была втрое тоньше эмоционального адвоката, хорошенькая, но по-кристальски чопорная и при этом командирша, каких поискать. Эми всегда умела сказать завуалированную гадость насчет Чарли, ведь основным нападающим был Чарли, а не ее сын Уилл. Эми визгливо рассмеялась над каким-то замечанием Уэйда. Бек не обращал на них внимания, а размышлял о своем, ожидая начала игры.

6. Бек

Чарли не вышел в стартовом составе. Эйдан был прав.

Чарли оставили на скамье запасных.

Он все еще числился вторым капитаном и поприветствовал капитанов команды соперника, когда бросали жребий. Но когда одиннадцать игроков вышли на поле, Чарли среди них не было. Вместо него основным нападающим поставили Уилла Сасскина, а Эйдана – полузащитником.

Эми Сасскин отклонилась назад и окинула взглядом выстроившихся в ряд родителей. Бек краем глаза заметил ее самодовольную улыбку, но проигнорировал. Чарли сидел на скамье запасных Кристальского футбольного клуба. Он сгорбился, упер локти о колени и смотрел в землю.

Бек отвернулся и взглянул на поле, чтобы оценить противника. Некоторые ребята из сборной Южного Колорадо были уже мощными подростками. Пробивающиеся усы, волосатые ноги, выдающаяся нижняя челюсть. Мальчишки из Кристальского футбольного клуба (U12) были поменьше, но они с самого начала захватили инициативу. Игра в одно касание, маневренность и ловкость, доминирующее владение мячом. Конечно, более крупные ребята бежали быстрее, чем половина защитников КФК, и в начале игры мяч оказался в опасной позиции под контролем нападающего сборной Южного Колорадо. Но Бакки Мелтцер сделал подкат и отправил мяч через половину поля к Эйдану, стоящему в середине. Эйдан обошел защитника СЮК и изящно разыграл мяч с Уиллом, который и забил гол. После первого гола в начале игры большого ликования не устраивали. Несколько раз хлопнули друг друга по ладоням, пока игроки вновь занимали свои места.

Странно, но пока Чарли сидел на скамье запасных, команда вела себя совершенно иначе: распределялась по всему полю, пасовала быстрее и эффективнее. Обычно окрики Чарли заглушали все звуки, а он сам все контролировал и вел мяч у ворот противника. Но теперь команда работала естественнее. Эйдан играл спиной к воротам соперника, задавал траектории, предвидел передачи. Он выглядел собранным и уверенным в своих силах.

Нет, больше того. Он, черт возьми, был *художником*, он расписывал поле своими зигзагами и взмахами рук, использовал всю богатую палитру движений легких ног. Или, словно дирижер, управлял скрипками, диктовал ритм для виолончелей. И когда это Эйдан успел так вырасти?

И тут он упал. Жесткий фол защитника СЮК у штрафной.

– Э-э-эй! – через все поле заревел Уэйд Мелтцер, готовый устроить полный разнос, но судья дал свисток и назначил пенальти.

Уэйд утихомирился. Эйдан вполне мог пробить пенальти и сам, но вместо этого отдал его Уиллу. Уилл засадил мяч в нижний правый угол, так что теперь счет был 2:0 в пользу КФК.

Настроение игроков переменилось. Противники начали нервничать, мальчишки стали кричать друг на друга, объявляли фолы, когда их и в помине не было. Уэйд был в восторге, хлопал в ладоши, дразнил родителей другой команды.

Когда свисток объявил об окончании первого тайма, КФК вел со счетом 3:0. У Эйдана в активе был один гол, один голевой пас и одно заслуженное им пенальти. Счастливая кучка кристальских родителей обменивалась впечатлениями. Эми Сасскин подошла к Беку.

– Интересное было зрелище.

– Точно, – подтвердил Бек, настороженный, но довольный.

Эми наманикюренной рукой похлопала бицепс Бека.

– Со стороны Эйдана было очень великодушно отдать то пенальти Уиллу. Он потрясающе играет.

– Спасибо. – Бек решил, что ему нравится внимание Эми. К тому же мужчина вспомнил, что она в разводе. – Уилл тоже сегодня в ударе.

– Это благодаря Эйдану, – ответила менеджер команды. – Они так здорово работают в связке. Надеюсь, что так будет и дальше.

– О, не сомневаюсь, – вклинился Уэйд, качая своей большой головой. – Вот это первый тайм!

После игры Бек сложил свой походный стульчик и отнес его к машине, ощущая бурление гордости и беспокойства в душе. Чарли ввели в игру через пятнадцать минут после начала второго тайма, на замену Уиллу Сасскину. Сын Эми забил три мяча подряд, но все это благодаря поддержке или передаче Эйдана, который и сам забил еще два гола. Чарли играл неплохо и даже поучаствовал в последнем голе своей команды, но к тому времени, по сути, победитель уже был известен.

Бек закрыл багажник, упер левую ногу в бампер с потертой наклейкой «Прочувствуй игру Берна!» и наблюдал, как команда пакует рюкзаки на дальней стороне поля. Позвонила Азра.

– Как прошел матч? – спросила она.

– Полная победа! – небрежно бросил Бек, не желая вдаваться в подробности. – Оба играли хорошо.

– Здорово. Слушай, Бек. Я вчера получила письмо из школы. Эйдана могут взять в «Перспективу».

– Это еще что?

– Программа для одаренных в Школе Святой Бригитты. Она какая-то непонятная, занятия всего раз в шесть дней. Самое странное, что он проходил тестирование прошлой весной, но тогда его баллы то ли неправильно посчитали, то ли перепутали с данными Чарли. Методист отловил эту ошибку на прошлой неделе: у них сейчас проходит анализ экзаменационных результатов для этой новой совместной программы бюджетных школ. Но если мы захотим, Эйдана туда возьмут.

– А Чарли?

– Тут плохие новости, – сказала Азра тише. – Эйдан набрал на пятнадцать баллов больше, чем Чарли.

– Бредятина какая-то!

– Я тоже удивилась.

– Значит, Эйдан не пойдет в «Перспективу». Откажемся, и все.

Пауза.

– Может, пусть сам решит?

– У нас совместная опека, не забыла? А еще у нас либеральная демократия.

– Почему ты так резко против, Бек? Дело в том, что они делают упор на исключительность?

– Ну да.

– Бек, слушай, у тебя трастовый фонд. Да ради всего святого, ты сам учился в Беннингтоне! И вообще, твоя семья – одна из самых...

– Ну ты сравнила...

– Что?

– Слушай, я помню программу для одаренных еще с младших классов. Их называли «дети «Футура».

Бек повернулся к пику Пайка. Воспоминания нахлынули волной, растревоженные словом «одаренные».

– В этой программе участвовало двадцать – двадцать пять детей из всей школы. У них была особая классная комната недалеко от столовой. Огромные окна. В одиннадцать пятнадцать по громкоговорителю объявляли: «*Детям «Футура» явиться в стеклянную комнату*».

И больше их не видели до большой перемены, когда они могли общаться со всякой шушерой вроде нас. Дети «Футура» не сидели на скучных уроках, не ходили на физкультуру. В пятом классе они на целую неделю поехали в Нью-Йорк.

– Но бедняжка Бек остался.

– Что говорить? Я не прошел отбор. Но я до сих пор могу всех детей в этой проклятой комнате назвать по именам.

Азра рассмеялась.

– Чего? – спросил Бек, невольно улыбаясь.

– А я думала, что знаю тебя как облупленного! Ты никогда не рассказывал эту историю.

– Это одна из постыдных страниц моей биографии: я навсегда остался вне этой стеклянной комнаты.

– Слушай, ну теперь речь-то идет не о тебе, ясно? Сейчас речь об Эйдане, а ему там может действительно понравиться. Да и занятия по этой программе проводятся всего трижды в месяц. Я думаю, все не так уж страшно.

– Хмм, – уклончиво протянул Бек. Он посмотрел на поле. Ссутулившийся Чарли плелся один вдоль линии ворот, пиная комки земли.

Когда Азра и Бек еще были женаты, у них не было разногласий насчет воспитания близнецов. Никто не сходил с ума по поводу того, что и в каком возрасте дети должны уметь, никто не требовал от них отличных отметок и выдающихся достижений. Азра была спокойной мамой, по-колорадски мягкой и расслабленной. Это разительно отличало ее от нервных Саманты и Роуз с их дочурками с картинки: по воскресеньям верховая езда, по понедельникам скрипка, по вторникам балет. А хуже всех была Лорен, самодовольная и зацикленная на талантах своей дочери. Потом, когда Тесса сорвалась с цепи, мамаша стала боготворить гениальность своего сына. Самые большие разногласия между Азрой и Беком в отношении близнецов начались после развода и всегда касались спорта. Азра не хотела, чтобы дети начали играть в выездных матчах сразу после второго класса. Она утверждала, что мальчики еще малы для такого уровня конкуренции. И кроме того, туда так долго ехать!

Теперь Бек видел, что не напрасно тогда настоял на своем. «Найдите, к чему у вашего ребенка лежит душа!» – твердили все специалисты по воспитанию. И видит небо, Бек и Азра нашли. Из всех занятий, что они пробовали, один футбол заставил мальчиков оживиться, проявил их таланты. Близнецы уже больше трех лет играли в элитном клубе и превращались в настоящих звезд. Они нутром чувствовали игру.

Именно поэтому неудачи Чарли выбили Бека из колеи.

– Земля – Беку, прием! – окликнула бывшая жена.

– Я слушаю.

– Они разнояйцевые близнецы, Бек, но при этом они разные люди. Понимаешь? – Азра шмыгнула, и бывший муж подумал о ее орлином носе, о гладких очертаниях ее лица. – Если у Эйдана есть какие-то таланты, каких нет у Чарли, значит, ему придется развивать их самостоятельно. То же справедливо и по отношению к Чарли.

– А я-то думал, каждый ребенок в Школе Святой Бригитты – одаренный. Эта школа стоит пятьдесят тысяч в год.

– Слушай, Бек, это ведь было твое решение. И твои деньги.

«Мои, мать-перемать!» И плата за обучение становилась все более непосильной. Только на прошлой неделе Бек аккуратно выяснил, можно ли перевести ребят в другую школу в середине учебного года, ведь так он сэкономил бы тысяч двадцать. А ему как раз позарез нужны были деньги. Дохлый номер.

– Тогда поговори об этом с Эйданом вечером. Я привезу их к тебе примерно к пяти, к половине шестого.

– Спасибо, Бек.

- Не за что, детка.
- Не называй меня так!
- Извини, забыл.
- Ничего ты не забыл!

Бек нежно улыбнулся. Азра бросила трубку.

«*Забыл*». Он и правда стал забывать. В последнее время все чаще и чаще. «Нет, Бек, это не ранняя деменция, – уверял его психотерапевт. – Просто стресс на работе, близнецы, грудной младенец, не дающий спать по ночам, материальные трудности. Весь мир навалился на тебя. Типично для кризиса среднего возраста, – говорил доктор. – Это не смертельно».

7. Бек

Когда они подъезжали к горе Касл-Рок, Бек увидел в зеркале, как веки Эйдана затрепетали и сомкнулись.

Чарли глядел на одинокую скалу, приближавшуюся справа. После игры мальчишки любили ехать в тишине, без наушников. Шины рокотали по шоссе между штатами.

– Так в чем дело? – спросил Бек. Это были первые слова, обращенные к Чарли с того момента, как они уехали из футбольного комплекса.

– Ты о чем? – Чарли выпятил подбородок.

– Ну... ты понимаешь... Скамья запасных...

– Мне до лампочки.

Бек облизнул губы. Несколько секунд молчали.

– Тренер тебя об этом предупреждал? Это ведь значительное изменение тактики.

Чарли громко вздохнул.

– Тренер хотел попробовать новую схему, вот и все. Он сказал, что я выйду на поле в конце и игра вернется в свое русло.

– Хмм.

– Он говорит, команда «слишком на меня полагается».

Теперь еще кавычки пальцами изображает.

– Говорит, мне надо «лучше видеть поле». «Как твой брат».

Бек поморщился.

– Так и сказал?

– Мне насрать.

– Эй, полегче! – сделал замечание Бек, но Чарли его проигнорировал.

Отец решил на этот раз не пенять мальчику, ведь у него сейчас была веская причина для таких выражений.

К тому же Бек где-то читал, что ругательства в юном возрасте свидетельствуют о высоком интеллекте. Вскоре Чарли тоже задремал, как и брат.

Новый урбанизм – так называли архитектурный стиль, доминировавший в глухих переулках северного Кристала. Одинаковые, близко расставленные дома пастельных оттенков, низенькие заборчики из штaketника – просто уродство для дизайнерского вкуса Бека. Но Соне так понравилось это местечко. Она решила, что это будет идеальный дом, где она будет растить выводок детей, которых собиралась родить, так что Бек наскреб на первоначальный взнос, выжав последнее из своего истощенного трастового фонда. И теперь они жили здесь.

Бек припарковал свою «Ауди» на подъездной дорожке и потянулся за бумажником, лежавшим в двери.

Его пальцы нащупали клочок бумаги, и тут он вспомнил.

«Чтоб тебя-а-а», – прошипел он и разбудил близнецов. Хотя проспали мальчишки не так уж мало (сто тридцать километров успели отмахать), они были похожи на выходящих из спячки медвежат, заторможенных, ворчливых и зверски голодных.

– Извините, ребята, я просто... Идите в дом, ладно? Скажите Соне, что я буду через минуту.

Сыновья молча открыли двери, взяли свои сумки из багажника и, шатаясь, побрели по дорожке.

Бек три раза саданул затылком о подголовник.

Измельчитель отходов.

Старый сломался. Комок объедков скопился в трубопроводе под раковиной, и теперь вся кухня провоняла гнилью. Бек уже больше месяца назад пообещал Соне, что сантехника вызывать не будет, а сам все заменит. Он нашел на «Ютьюбе» видео, в котором вся процедура объяснялась от начала и до конца, и решил окунуться в океан блаженства под названием «сделай сам» и при этом сэкономить несколько сотен баксов. Он неделя за неделей откладывал починку, но Соня заставила мужа поклясться своими костями, что он разберется с измельчителем на этих выходных. План был такой: пока команда разогревается перед игрой, купить новый измельчитель в строительном магазине. Но Бек напрочь забыл об этом из-за истории с Чарли.

«Это всего лишь измельчитель отходов, – сказал он себе. – Не конец света». Но в последнее время его изматывали именно такие мелочи. Чарли на скамье запасных, пара лишних килограммов, дело, о котором он забыл. Новая постоянно расширяющаяся дыра в семейном бюджете.

Будто черви, жрущие его мозг.

Бек задержался в машине. Потные ладони лежали на руле.

В главной спальне Соня кормила Роя грудью. Желтые встрепанные волосы жены обрамляли младенца, как створка раковины обрамляет устрицу. На круглом лице Сони отразилось блаженство бегущего по венам окситоцина. Бек присел на край кровати и положил руку на колено жены.

– Купил? – спросила она.

– Знаешь, детка, я тут подумал...

– О чем подумал, Бек? – Эта ее манера надувать губы и хмуриться... – Насчет измельчителя?

– Я сегодня заходил в строительный в Колорадо-Спрингс, смотрел измельчители. И тут мимо меня мужик катит на хозяйственной тележке такой здоровый компостный ящик. И я подумал, а может, нам тоже такой поставить? Где-нибудь в углу двора. А на кухне будет мусорное ведро.

Соня уставилась на мужа. Тот сглотнул.

– Что?

– Ты не был в строительном, Бек.

– Как не был? Был!

– Ты врешь, – припечатала Соня, закрыла глаза и откинулась назад, опершись об изголовье. – Я за тобой следила через приложение «Найди мой айфон». Ты все время был на футбольном поле. Ты брехун. Я заберу Роя, уеду в Зальцбург и буду его растить сама. Там я легко найду себе нового мужа. Такого, который не боится менять подгузники. Который умеет починить слив.

– Ну ладно тебе, детка, не нападай на меня так!

Бек потянулся к мягким рукам Сони, но она вздернула подбородок и отвернулась, загораживая собой Роя.

Соня куда больше была похожа на раненую птичку, чем Азра. Бывшая жена Бека играла без правил и всегда выигрывала. Но в последнее время Соня начала осваивать тактику его бывшей, давя на больные места: на то, какой Бек паршивый отец и негодящий мужчина. Такие упреки были слишком знакомы. И это приводило Бека в панику.

Потому что Азра просто не могла понять некоторых ключевых моментов. Что для Бека крайне важна его работа в дизайнерской компании, что ему нужно свободное время дома, чтобы обдумать бизнес-план и справиться со сложностями ведения семейного бюджета. Даже тогда, когда не было таких проблем с деньгами и долгами, требовалось и повисеть на телефоне,

и пошерстить интернет, и спать девять часов в сутки, и чтобы голова не была забита всякой ерундой.

После развода Бек приложил огромные силы, чтобы разобраться, что пошло не так. Но он не смог до конца понять, чего же ему не хватало в первом браке. Может, ему нужна была более мягкая и покладистая жена? Чтобы не разнюхивала и не хитрила, не попрекала тем, во сколько муж ложится и как долго спит, чтобы не осуждала его политику невмешательства в воспитании. Ведь эти привычки были ему необходимы, чтобы оставаться бодрым и нормально соображать.

Поэтому когда Бек сошелся с Соней, ему казалось, что он выиграл в некую брачную лотерею. Этот спасательный плотик двадцати с небольшим лет уносил его прочь от бурлящих мелей его прежнего брака. Неожиданно у него появилась молодая красивая няня, которую близнецы обожали, умопомрачительная любовница, всегда готовая поддержать его в страстных сексуальных играх, да и к тому же она досконально знала, какой стиль жизни предпочитал Бек. В отличие от Азры Соня никогда не выедала ему мозг, что нельзя спускать деньги из трастового фонда на новый шоссейный велик, на новую гитару, которую он в итоге разобьет в щепки, на новую байдарку.

На самом деле, она доверяла ему и ждала его решений, это Бек чувствовал. Ощущение было обалденное.

Так что пока их было только двое, пока не появился Рой, жизнь с Соней была безоблачно-счастливой. С утра Бек работал по удаленке, потом секс в районе обеда, потом ехал на велике в офис, там проводил несколько консультаций с заказчиками. Даже когда Соня забеременела, Бек представлял себе, что ребенок мягко впишется в их идиллическую жизнь.

А потом он родился. Конечно, первые недели смазались в одну хаотическую кляксу. Бек помогал жене. Даже очень много помогал.

Но потом, к неприятному удивлению, новая жена начала от него чего-то требовать.

Может, *Бек* сможет какое-то время покупать продукты и готовить?

Может, *Бек* будет делать ланчи для близнецов и возить их в школу?

Может, *Бек* будет вынимать посуду из посудомойки и мыть туалеты?

«Но, милая, ведь ты сейчас не работаешь, – ныл Бек. – Я вожу их на большинство тренировок и на все игры. Кроме того, у меня на носу три отраслевые выставки...»

Ты что, запланировал три выставки сразу после рождения ребенка?!

Ладно, это был не самый удачный ход. Но теперь Тесса приходила к ним три раза в неделю. И брала пятнадцать долларов в час.

Вы только полюбуйтесь! Мы наняли няню для няни.

(Конечно, эту фразу Бек никогда не произносил. Но честное слово, на няню уходит до хрена. И у молодой мамы, которая в данный момент не работает, появляется полно свободного времени.)

Бек принялся массировать жене ноги. У него было несколько приемчиков, чтобы разрядить обстановку. В конце концов Соня повернулась и протянула мужу теплого пинающегося Роя, будто поднесла вождю дар от всего первобытного племени.

– Возьми его, – сказала она. – Побудь с ним немного.

Соня встала с кровати и вышла из комнаты. Рой схватился за папу цепкими пальчиками. Бек коснулся носом этой милой маленькой головушки. Мягкий пушок пощекотал подбородок мужчины. Бек вбирал ноздрями этот восхитительный аромат: теплая кожа, только что прижимавшаяся к груди, сладкий, молочный запах Сони.

«Вот ради чего все это, – думал он, наслаждаясь запахом малыша. – Самец и детеныш, животная связь».

Бек покачивался на кровати, бессмысленно и ласково лепеча со своим третьим, самым крошечным сыном.

8. Ксандер

Мистер Эйкер никогда не сможет больше посадить его в лужу. Он попытается. Пустит в ход все свои батареи и связки. Использует все свои вилки и линейные удары. Но мистер Эйкер весьма средний игрок. Он знал это сам, и знал, что Ксандер знает.

Сейчас у мистера Эйкера есть только одна возможность выиграть. Только одна. Партия Лабурдонне-Мак-Доннелла 1834 года.

Он мог пойти

Lc2 – cf6
Kph3 – kpf4

Kpg2 – kpf5
Cg1 – kpg6

а потом Ксандер мог бы, например, сделать так:

Ch2 – kd3
Ld5 – kf4
C:f4 – gf

Kph3 – kpg6
Kp:h4

Но мистер Эйкер не увидит этой возможности. Даже Ксандер едва заметил ее всего минуту назад. Если мистер Эйкер поймет, что у него есть этот единственный малюсенький шанс...

Нет. Вместо этого мистер Эйкер передвинул ферзевого слона на D4. Предсказуемо.

Ксандер быстро черкнул несколько наблюдений в записной книжке и сделал свой последний ход. Он протянул руку мистеру Эйкеру для пожатия.

– Держи карман шире! – сказал мистер Эйкер. – У меня все еще есть обе ладьи и половина пешек. Ты думаешь, что уже победил?

– Посмотрите внимательнее, мистер Эйкер. Посмотрите на моих коней.

Мистер Эйкер склонил голову набок, изучая позицию коней Ксандера. Потом пожал мальчику руку, признавая свое поражение.

– Какой у нас счет-то? 60:1 в твою пользу?

– Вообще-то 63:1, – поправил Ксандер. – Хотите еще сыграть?

– Нет, я пас.

Мистер Эйкер изогнул губы, стараясь удержаться от смеха.

Ксандер собрал резные стеклянные фигуры и аккуратно уложил каждую в свое углубление, вспоминая ту единственную партию, когда мистер Эйкер выиграл у него. Это было два года назад.

Он часто думал о той игре даже сейчас. О серии непредсказуемых ходов, которые сделал мистер Эйкер после того, как Ксандер провел рокировку. Это была странная вспышка гениальности, которой не ожидаешь от такого посредственного игрока. Совершенно вразрез с обычной склонностью мистера Эйкера к самосохранению и консервативным защитами.

Но в конце концов, мистер Эйкер не ладья и не конь. Он человек, а люди не всегда постоянны и предсказуемы, в отличие от шахматных фигур. Когда Ксандер смотрел на фигуры, рас-

ставленные на доске, он точно знал, на что они способны. Иногда ему даже казалось, что он знает мысли каждой из фигур, пока каждая стоит на своем поле. Как будто залез в их маленькие мертвые головы.

«Побуду на этом поле еще два хода, а потом съем ту пешку», – рассчитывал конь.

«Сейчас я прижму ферзя, – размышляла ладья. – Он вообще понимает, что если его слон двинется с места, то ему самому КРЫШКА?»

Три, восемь, двенадцать, шестнадцать фигур действуют сообща, чтобы разгромить соперника. Ксандер был ими всеми одновременно, думал их разные, сплетенные в одну сеть мысли, строил планы, как победить общего врага. С людьми было все иначе. Кто знает, что они думают!

Например, мама. В последнее время стоило Тессе выйти из дома, мама начинала с грохотом захлопывать дверцы шкафчиков и оттирать кухонную рабочую поверхность с таким остервенением, будто гранит был пропитан ядом.

Тесса не лучше. Нет, в смысле, лучше, чем в тринадцать, когда она объявляла голодовку, или делала маленькие надрезы на коже, или воровала таблетки из аптечек маминых подружек. Теперь сестра почти не бывала дома, а когда все же приходила, то запиралась в своей комнате и снимала весьма информативные ролики для своего видеоблога. (Ксандеру больше всего нравился выпуск № 23: «*И почему все так носятся с этой девственностью?*»)

Иногда Ксандер мечтал, чтобы мама и сестра чаще играли с ним в шахматы, и не просто ради компании. Ведь только за партией в шахматы мальчик знал, о чем они думают, что они сделают. Точно так же было и с друзьями, и с родителями друзей. Стоило Ксандеру сыграть с кем-нибудь два или три раза, как он уже знал спектр ходов, какие может придумать противник, знал, что тот видит на доске и чего не видит. Знал ограничения игрока. Даже его личностные качества.

Вот, например, Чарли и Эйдан Ансворты-Шодюри. У близнецов и манера игры была схожая. Но Ксандер знал нюансы игры каждого. В шахматах Эйдан был не самым сильным противником, но он играл намного лучше, чем Чарли. А Чарли, в свою очередь, играл лучше своего отца, Бека. Бек и в подметки не годился маме близнецов, Азре, а их мачеха, Соня, играла всего лишь чуточку лучше Бека.

В шахматах у каждого были свои закономерности и шаблоны. Среднестатистический человек, играя в шахматы, неизбежно действовал предсказуемо. Мозг у людей устроен так: есть извилины и бороздки, как колеи на распаханном поле в округе Бьюла. И гроссмейстеры говорят, что, если хочешь стать великим шахматистом, надо быть непредсказуемым. Выйти из своей колеи.

– Выйти из колеи. Выйти из колеи

– Что ты сказал, Ксандер? – спросил мистер Эйкер.

Мальчик поднял взгляд, с удивлением осознав, что он снова начал думать вслух. Такое случилось, когда он попадал в привычную колею. Другие ребята вернулись в класс после перемен. Некоторые смотрели на Ксандера, ухмыляясь. Предсказуемо.

– Ничего. – Ксандер убрал коробку с шахматами в рюкзак.

Ученики расселись по местам, и мистер Эйкер заговорил о том, что серьезная подготовка к Научной ярмарке начнется сразу после выходных на День благодарения. Через две недели каждый должен придумать идею проекта для ярмарки. Ксандер уже решил, что он будет делать проект про что-нибудь, связанное с шахматами. Может быть, «Наука шахмат».

Мистер Эйкер хотел, чтобы Ксандер написал работу о генах пауков. Почему популяции пауков процветают во всех уголках мира? Может быть, ответ кроется в их ДНК? Что ж, гены пауков – дело хорошее, но шахматы куда круче!

На День благодарения их пригласили к Эмме Зи, а значит, будет возможность пообщаться с близнецами. Кроме того, будет полно народу, никто не будет хлопать дверью и орать, и можно будет есть столько картофельного пюре, сколько в Ксандера влезет.

Да.

День благодарения.

Много пирогов. Много шахмат.

За партией в шахматы можно столько узнать о противнике. Куда больше, чем принято думать.

9. Роуз

Зеллары жили в величественном особняке эпохи королевы Анны. Он стоял на углу Березовой и был архитектурной доминантой улицы.

Белые карнизы и лепнина, стены выкрашены в дерзкий персиковый цвет, две башенки, площадка с перильцами на крыше. Дом находился в исторической части Кристала. Тридцать два квадратных жилых дома были когда-то возведены для факультета Дарлтонского университета, но теперь в этом спальном районе селились разработчики ПО, хирурги из Медицинского центра и сотрудники юридических фирм, которые ездили работать в Денвер. Дом Зелларов выделялся среди прочих и заставлял выпускников университета и их родителей, прогуливавшихся по Старому городу, надолго останавливаться посреди тротуара, чтобы полюбоваться.

Ко внешней красоте дома надо прибавить еще и его эпизодическую роль в истории города. В начале двадцатого века мэр приобрел его у денверского застройщика в качестве свадебного подарка для своей дочери. Узнав об этом из документов о праве собственности, Саманта подала заявку в администрацию и добилась, чтобы особняк внесли в реестр исторических мест. Об этом статусе теперь свидетельствовала бронзовая табличка возле парадной двери.

БЕРЕЗОВАЯ, 20 ДОМ, ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫЙ В РЕЕСТРЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА КОЛОРАДО

Когда табличку привезли, Кев и Саманта возмутились: на ней должно было быть написано «Березовая *улица*, 20».

Но табличку все же повесили, и пропавшее слово стало их визитной карточкой. Теперь, когда в доме Зелларов планировалось празднество, всех приглашали на «Березовую, 20». Ни в коем случае не «ко мне домой» и не «к нам в гости», а на «Березовую, 20».

На Березовой, 20 будет небольшая вечеринка, сбор средств в избирательный фонд сенатора Уики. Надеюсь, ты сможешь прийти!

Роуз, но у вас дома будет тесновато. Может, давай устроим день рождения Эммы Кью на Березовой, 20?

Приезжайте на День благодарения на Березовую, 20 всей семьей! Соберется весь клан Зелларов.

Когда Роуз с мужем и дочкой вошли в дом, огромная запеченная индейка уже распростерлась на блюде, пироги были расставлены идеальными рядочками на стойке, а из спрятанных динамиков струилась тихая камерная музыка. Четверо мужчин пробовали домашнее пиво возле потрескивающего огня в камине. Роуз подтолкнула Гарета, и он неохотно присоединился к ним. Обстановка была такая уютная, и Роуз подумала, что надо было отлипнуть от ноутбуков и приехать на несколько часов раньше. Тогда они избежали бы очередной перепалки вполголоса.

Толпа гостей, собравшихся на Березовой, 20, в этом году только разрослась. Помимо родителей Кева, сегодня на праздник прилетели два его младших брата и сестра с супругами и детьми, да еще несметное множество двоюродных братьев и сестер, с которыми Роуз встречалась несколько раз, но вечно путала имена. На следующее утро все Зеллары отправлялись в Стимбот-Спрингс, на семейный горнолыжный курорт. Эдгар и Сюз, родители Кева, сняли там дом на все праздничные выходные.

Азра заметила Роуз среди прочих гостей и поманила ее на кухню. Азра вместе с Самантой и Лорен уже потягивали розовое вино.

– Приберегла эту бутылочку специально для нас, – сказала Саманта, наливая вина в четвертый бокал.

Подруги выпили за День благодарения. Это была единственная возможность хоть недолго побыть только вчетвером, хотя Роуз запомнила эти несколько минут как ключевой момент праздника. Саманта всегда изо всех сил старалась, чтобы на светских мероприятиях, на сборах средств, куда Роуз приходила редко, даже на больших семейных сборищах ее любимые подруги чувствовали себя особо обласканными. Всегда откладывала треугольный кусок вкуснейшего сыра, чтобы подруги могли его продегустировать, или припасала бутылочку необычного вина. Они допили свои бокалы в узком кругу, а потом Саманта пошла проверять, как там подливка.

Когда Кев зазвенел вилкой о стеклянный бокал, приглашая всех к столу, Роуз прошла по коридору, ища Гарета. Она миновала дамскую уборную, гостевую спальню, кабинет Кева. Наконец оказалась в библиотеке с высоким потолком и встроенными шкафами. Гарет и Ксандер, скрестив ноги, сидели на диванчике у окна и играли в шахматы.

Роуз остановилась в дверях и почувствовала знакомый укол разочарования: муж опять не стал общаться с другими взрослыми. Хотя, пожалуй, неплохо, что кто-то уделил внимание Ксандеру. Игроки передвигали фигурки, Ксандер деловито корябал в своей записной книжке. Лорен утверждала, что сын скрупулезно фиксирует каждую сыгранную партию, будь то турнир на государственном уровне или дружеский матч на дне рождения. Он записывает каждый ход, используя алгебраическую нотацию.

Роуз не стала прерывать игру, зная, что она скоро закончится.

– Кажется, ты победил, – сказал Гарет через минуту. – Ноль-четыре в твою пользу.

– Верно, – ответил Ксандер.

Они пожали руки. Ксандер обернулся и увидел стоящую в дверях Роуз.

– Здравствуйте, – сказал мальчик, и под его взглядом женщине стало не по себе.

Она улыбнулась и прочистила горло.

– Ужин, – сообщила Роуз.

Гарет поднялся с диванчика и пошел за женой, а Ксандер задержался, чтобы закончить свои записи.

Взрослые вереницей потянулись в обеденный зал и принялись рассаживаться за длинным столом из каштанового дерева. Вдоль одной стороны его помещалось семь человек. Роуз нашла табличку, на которой Эмма Зи аккуратным каллиграфическим почерком вывела ее имя. Рядом сидела сестра Кева, Блэки, а напротив оказалась Тесса, которую в этом году впервые посадили за стол со взрослыми. В обеденной зале собралось шестнадцать гостей, а за детскими столами в малой гостиной народу было куда больше.

Кев стоял во главе стола, фартук с эмблемой команды «Денвер Бронкос» развязался и криво свисал ему на грудь. Он поднял бокал, поприветствовал гостей, рассказал пару сомнительных шуток, а потом передал эстафету. Его отец, врач из Ричмонда (штат Вирджиния), ныне на пенсии, поднялся, чтобы произнести молитву.

Эдгар Зеллар откашлялся, потрясая складками на шее, и дождался тишины.

– Отец Небесный, мы благодарим Тебя за щедрость, за пищу на нашем столе и за руки, которые приготовили эти дары во имя Отца и Сына, нашего Спасителя, Иисуса Христа. И еще мы благодарим Тебя за любящих друзей, окружающих нас, и за здоровье и благополучие наших семей. В моем случае, – он сделал паузу для пушного эффекта и посмотрел на детские столы, – это тринадцать прекрасных внуков. Этого достаточно, чтобы род Зелларов продолжался, особенно если мой старший сын подарит нам еще одного наследника.

Кто-то добродушно хихикнул. Роуз страдальчески переглянулась с Азрой, которая сидела на противоположной стороне стола по диагонали. Потом украдкой взглянула на

Саманту. Та приняла укол свекра, не поморщившись. Родители Кева любили хвалиться обилием внуков. «Ровно чертова дюжина, – частенько повторял Эдгар, – когда же нам ждать четырнадцатого?» Неудивительно, что Саманта, жена старшего сына, ставила себе в укор, что у нее всего один ребенок. Это было одно из немногих слабых мест в броне клана Зелларов. И родители Кева, и его братья и сестра часто журили Саманту за это. У Роуз давно бы уже голова взорвалась, если бы кто-то полез в таком мягко-снисходительном тоне критиковать ее решения в самых личных вопросах. Может, оно и к лучшему, что у Гарета нет родственников и никого не надо ублажать. Родители Роуз были не из самых богатых представителей среднего класса на Среднем Западе. Старший брат Роуз жил вместе со стариками, в подвале их дома. Так что они были не в праве ее в чем-либо осуждать.

Саманта тоже была из непримечательной семьи. С сестрой, живущей во Флориде, виделись они редко. И мать, и отец Саманты уже почили, как у Гарета. Вполне понятно, что она охотно влилась в семью Зелларов, погруженную в собственную мифологию. Хотя когда Зеллары собирались на Березовой, 20 в полном составе, соединенная мощь их самолюбования порой ошеломяла.

Роуз рассматривала серебряное кольцо для салфетки. Глава клана заканчивал свою молитву.

Тема школы всплыла через несколько минут. Эдгар потянулся за бутылкой вина, чтобы наполнить бокалы для нового тоста, и спросил:

– Ну что, Роуз, вы тоже попытаетесь поступить в эту академию?

– В какую академию, Эдгар?

– Ну эта новая... Саманта, милая, – он повысил голос, – о какой спецшколе ты рассказывала моему старшему внуку? Кажется, о какой-то школе для одаренных.

Слово «одаренные» перерубило все остальные темы, будто гильотина. Разговоры вокруг стола стихли.

– Она называется Кристальская академия, папа, – произнесла Саманта в наступившей тишине.

– Частная? – спросила Азра. Видимо, она, как и Роуз, была не в курсе.

– Вообще-то, нет, – вклинилась Лорен. Она подалась вперед над столом, вытягивая свою короткую шею, как черепаха. – Это бюджетная школа для особо одаренных.

– Говорят, она будет на уровне нью-йоркской Школы Стейвесанта⁴, только в Скалистых горах, – важно произнес Кев.

– Только старшие классы? – поинтересовалась Роуз.

– Средние с шестого по восьмой, старшие с девятого по двенадцатый.

– Вот как, – проговорила Роуз.

«Для особо одаренных». От этих слов даже кости запели. Наверное, это и есть «вариант», который Саманта утаила от подруг в «Каменной соли» на прошлой неделе.

– То есть это будет городская школа, только для детей из Кристала?

– Нет-нет, – ответил Кев. – Это совместный проект Кристала и Четырех Округов.

– Участвуют пять школьных округов? – удивился Гарет. – Но это же огромное количество школьников для отбора.

– Вот именно, – подтвердила Саманта. – Больше ста тысяч детей всего на тысячу мест в академии.

– Как в фильме «Один процент»⁵, – язвительно вставила Блэки.

⁴ Школа Стейвесанта – престижная бесплатная спецшкола в Нью-Йорке, дающая ускоренную программу для подготовки к поступлению в вуз. Среди ее выпускников есть ученые, лидеры и магнаты мирового уровня, нобелевские лауреаты (прим. пер.).

⁵ «Один процент» (The One Percent (2006)) – документальный фильм о разнице в уровне жизни между богатой элитой

Все рассмеялись, но она была права: в спецшколу попадет лишь один из сотни. Желчной сестре Кева разговор явно нравился, Роуз это видела. Она наблюдала за реакциями подруг Саманты, которые обсуждали новость о школе.

– А как в эту школу будут набирать учеников? – спросила Азра.

– Будет особый экзамен, – затрещала Лорен, довольная своей осведомленностью. – Первый этап Когнава в школьных округах пройдет в марте, потом будет второй этап более индивидуальных испытаний.

– Что за Когнав? – не понял кто-то.

– Тест для оценки когнитивных навыков, – пояснила Лорен. – Из серии стандартных тестов на уровень айкью.

Роуз бросила Гарету вопросительный взгляд поверх винного бокала. Тот пожал плечами в ответ. Муж тоже слышал об академии впервые.

– А где ее построят? – поинтересовался Гарет.

– Старшая школа будет в округе Кендалл, – ответил Кев. – Но для средних классов отстранируют здание на Кленовом холме.

– Всего в шести-семи кварталах отсюда. – Саманта кивнула куда-то на запад, в сторону заднего двора.

– Информация стопроцентная, – заверил Кев. – Подрядчик – мой давний приятель. Все разрешения на строительство они получили на прошлой неделе. Ремонт начнется в январе. К июлю они откроются. Весной наберут персонал, и первый поток учеников запустят уже этой осенью. Быстро работают ребята!

«Откуда ты все знаешь?» — подумала Роуз. Но этот вопрос так и не сорвался с ее губ, потому что Зеллары всегда все знали. И в конце концов, Кев последние три года работал в Городском совете. Любой крупный строительный проект, а тем более такой значительный, как новая спецшкола, естественно, попадет в поле его внимания.

– Ну так что, Роуз, будете подавать документы Эммы Кью? – допытывался Эдгар.

– Кто знает... – Роуз живо представила себе: несколько лет инновационной педагогики, учебы в маленьких классных комнатах, приемная комиссия Барнард-колледжа⁶ одобрительно квохчет. – Посмотрим.

– А ты, Тесса? Будешь пробовать поступить?

Это спросила Блэки. Сестра Кева наклонилась над тарелкой и смотрела на дочь Лорен не то чтобы совсем дружелюбно.

У Тессы был занят рот, поэтому она подняла палец, прося подождать.

– Я не слишком-то одаренная, – пробормотала она, как только проглотила свой кусок.

– Я вижу, что ты способная девушка, – заметил Эдгар. Взгляд его скользнул по глубокому вырезу ее декольтированного платья из зеленого бархата или велюра. Тесса сама придумала и сшила эту модель. – У каждого человека есть талант.

Тесса наморщила лоб.

– Ну... я люблю рисовать.

– Вот как? – заинтересовался глава клана Зелларов. – И что же ты любишь рисовать, милая? Пейзажи или что-то такое?

– В основном модную одежду, костюмы. – Она убрала прядку волос за ухо. – Иногда обувь.

и средним гражданином США. В фильме говорится, что 1 % населения страны, по данным на 2004 г., контролировал 42,2 % богатств государства (прим. пер.).

⁶ Барнард-колледж – частный женский гуманитарный колледж на Манхэттене (Нью-Йорк) (прим. пер.).

– У Тессы поразительное чувство стиля, – вставила Азра, сидевшая через четыре стула от нее. – Тесса, скажи, что ты мне недавно говорила. В «Расцвети». – Азра оглядела присутствующих. – Тесса теперь работает в моем магазине.

Девушка поерзала на стуле, вверх по ее шее начал подниматься румянец. Гости за столом молчали, всем было любопытно послушать завязавшийся разговор. Роуз глянула на Саманту. Та уже начала быстро моргать: верный признак того, что она теряет терпение (будет не комильфо, если звездой вечеринки Зелларов на День благодарения станет посторонний человек, а тем более такой трудный подросток, как Тесса Фрай).

– Ты сказала, что для тебя умение одеваться – это вид искусства, – подбадривала Азра. – Как живопись или скульптура, так ведь? Но вместо камня или холста ты работаешь с людьми.

Тесса сидела, прижав салфетку к губам. Теперь она начала крутить салфетку в пальцах.

– Ну... – девушка посмотрела на Эдгара, – это достаточно сложно объяснить. Иногда я вижу форму лица и ну в точности знаю, какая одежда идеально подойдет к таким щекам и стрижке. Или знаю, какие цвета в одежде будут подчеркивать цвет глаз или оттенок кожи. А еще я много думаю о тканях. Ну, о текстуре и плотности, о том, как она драпируется.

Или, например, я смотрю на ткань и в точности знаю, с каким звуком будут тереться друг о друга штанины при ходьбе, если сшить из этой ткани брюки. Чувствую звучание ткани. Помню, у папы был рабочий плащ, он его постоянно носил, когда я была маленькой. Плащ был из плотной смесовой ткани из хлопка и шерсти, и...

– И кто же этот счастливек, твой папа? – Эдгар оглядел лица сидящих за столом, полагая, что один из мужчин, не принадлежащих к клану, и есть отец Тессы.

– Он умер, – сказала девушка.

– Боже мой, – Эдгар выглядел ошеломленным. – Извини, милая.

– Ничего, – откликнулась Тесса и продолжила, чуть осмелев: – В общем, такую ткань я с тех пор не видела. Когда я проводила ногтем по этому плащу, получался красивый звенящий звук. Я все думаю, вот бы мне найти немного такой ткани и сшить из нее что-нибудь. Я бы снова услышала этот звук... Глупо, конечно, но все же...

Не сводя глаз с отца Кева, Тесса насадила кусочек индейки на вилку, медленно прожевала.

– На мой взгляд, ты весьма одаренная девушка. – Эдгар протянул руку над тарелкой Блэки, чтобы хлопнуть Тессу по руке. – Такое богатое воображение!

– Спасибо, – сказала Тесса, снова берясь за вилку. – После ужина я могу показать вам свои наброски, если хотите.

И тут...

– Слушай, Тесса, – резко пролаяла Лорен с другого края стола. – Сначала посмотрим, сможешь ли ты одиннадцатый класс закончить. Это уже будет победа.

Глаза Тессы полыхнули и тут же угасли. Она уперлась взглядом в тарелку. За столом воцарилась тишина. Единственным звуком в ушах Роуз было звяканье серебра о фарфор. Роуз не могла видеть Лорен, но на лицах Азры и Гарета застыло выражение шока. Губы Саманты побледнели и напряглись. Даже дети притихли, уловив внезапное молчание. Эмма Зеллар переводила взгляд то на Тессу, то на Эдгара, то на Лорен. Она не упустила ни слова из их разговора. Рядом с ней сидела Кью, склонившись над тарелкой, и ложку за ложкой жадно отправляла в рот картофельное пюре, щедро сдобренное подливкой.

– Ну что, с Днем благодарения, – сухо бросил кто-то в тишину.

Роуз показалось, что это был один из братьев Кева. Блэки низко, жестоко рассмеялась, и Роуз тут же представила, как этот разговор будут обсасывать в Стимбот-Спрингс. Вся большая семья будет хихикать над тем, как случайная примесь на этом семейном празднике, подружка Саманты, прилюдно опустила родную дочь.

Роуз почувствовала в горле горячий комок, сочувствуя Тессе, но, как ни странно, и ее матери тоже. Ей, наверное, стыдно, ведь она испортила всем ужин. Лишь немногие за столом знали, через что прошла семья Фраев за последние несколько лет, только немногие понимали, откуда эти колкости.

– Эй, ребята, кто хочет клюквы? Передавайте, передавайте.

Саманта подняла хрустальный салатник, и пир возобновился. Любую шероховатость Зеллар загладит.

Немножко о Тессе

Руководство по выживанию в одиннадцатом классе

Видеоблог

Выпуск № 34: С ДОЛБАНЫМ ДНЕМ БЛАГОДАРЕНИЯ

...7 просмотров...

[Тесса сидит, съевшись на кровати. Лунный свет из окна. Тесса всхлипывает.]

ТЕССА: Привет никому. Надеюсь, что у вас, ребят, День благодарения в кругу семьи прошел получше, чем у меня. Сегодня я прошествовала Дорогой слез⁷ до дома Зелларов. На Березовой, 20 я не была с тех пор... слушайте, кто вообще дает домам имена? Ну, в общем, не важно. Короче, я побывала у них на хате, на Кленовом холме, впервые после той самой роковой ночи, когда Тесса капитально облажалась и бросила их дочку одну. Я миллион раз сказала, что не хочу идти, потому что мне опять будут задавать эти снисходительные вопросы о моем цвете волос, «уникальном чувстве стиля» и моем «пятилетнем плане». Куда бы ты хотела поступить, Тесса? Знаешь, наш Тео учится в Принстоне. Тесса, где ты видишь себя через десять лет? Плюс после вечера в компании их большой и счастливой семьи мама всегда чувствует себя паршиво, так что я предложила в этом году остаться дома и приготовить ужин на нас троих. Или отпраздновать с Беком, Соней и близнецами. Это было бы так здорово, потому что Ксандер обожает ребят, а Бек такой недотепа. Но Лорен заставила нас поехать к Саманте, и, конечно, это было просто... просто...

[Плачет, выключает запись.]

ТЕССА [Вытирая нос.]: Ладно, я снова с вами. В общем, я всегда любила этот дом, особенно после смерти папы, я ведь там все время болталась. У них всегда были лучшие закуски, вазы с фруктами на стойке, свежий хлеб и кексы. В любой день у них в холодильнике есть что угодно, хоть ты загадай

⁷ Дорога слез – насильственное переселение американских индейцев с их родных территорий на запад США в 1830-х гг. (прим. пер.).

органическое, выращенное на натуральных кормах эскимо на палочке. Но сегодняшний вечер был... и главное, Саманта! Она ведь покупала мне платья, водила меня в кафе. Даже отвезла меня на первый в моей жизни педикюр. Она любила расчесывать одновременно и меня, и Зи. Десять раз провести расческой Эмме, десять раз Тессе. Десять Эмме, десять Тессе. И я помню, как она улыбалась мне через зеркало. Саманта была такая красивая, а не мелкий тролль с монобровью, как моя мамаша. Скорее всего, я в такого тролля тоже когда-нибудь превращусь. Я мечтала выглядеть точно как Саманта. В общем, я хочу сказать, что Зеллары почти удочерили меня. И Азра, и даже дерганая Роуз, но теперь...

[Шмыгает носом, длинная пауза.]

Разве что муж у Саманты все равно очень приятный. Кев. Его сестра чуть не умерла от передоза лет в двадцать, хотя Зеллары никогда об этом не говорят, а я узнала только потому, что Азра мне сказала во время моей смены в магазине.

Да, на Березовой, 20 любят смести все дерьмо под ковер, так что их домработнице из Латинской Америки приходится его трижды в неделю пылесосить. А теперь эта сестра работает в Нью-Йорке юристом по корпоративным вопросам. Она сегодня была на вечеринке. Сучка высшей пробы, абсолютно не думает о других, точно как моя мамаша. А моя мамаша? Ну елы-палы! Сегодня прям отличилась, даже у нее такие загибы редко бывают, а я-то... блин, да она, по ходу, ненавидит меня за то, что мой папа умер. Ну что за мутотень! [Тяжелый вздох.] Извините, ребят, я знаю, что говорила вам все это миллион раз. Но такая ситуевина заставила меня задуматься о том, насколько все изменилось. Как хорошо было раньше. И может быть, я смогу что-нибудь придумать... не знаю... Чтобы начать все сначала. [Долгая пауза, моргает, глядя в телефон.] Есть идеи?

10. Чайнья

– Пора, – сказала она, поднимаясь со стула.

Атик потер глаза, прогоняя остатки сна, допил сок и поставил стакан в раковину.

– *Mama!* – крикнул он в проход.

– Иду, иду, – ответила Силеа.

Дочь Чайньи появилась на пороге, вытирая руки о платье, и обе женщины стали суетливо засовывать свой обед в пластиковые пакеты. Чайнья заметила на спинке дивана синюю толстовку Атика и бросила ее мальчику.

– А почему мы так спешим? – спросил Атик. – Ведь вы говорили, они все уже уехали в горы?

Чайнья переглянулась с дочерью.

– Если они насвинячили, как в прошлом году, то придется немало потрудиться, – сказал Силеа. – Все равно что целую гору помыть. А еще ведь сегодня надо убраться и в маленьком доме. – Она помолчала. – Знаешь, Атикча, хорошо, что ты идешь с нами.

– Впервые на работу, – гордо сказала Чайнья, и Атик сонно улыбнулся ей.

Атик был хороший мальчик. Вежливый, но с хитрецей. Он напрашивался с ними еще в прошлый раз, чтобы маме и бабушке было полегче. Сначала Силеа отказалась от его помощи: она не хотела, чтобы мальчик думал, будто это подходящая для него работа. Но Чайнья не согласилась с ней: ничего нет постыдного в том, чтобы убираться в домах. Ничего нет постыдного в тяжелом труде.

И кроме того, Атик сам настаивал.

– А что мне делать? В школе выходной, а дома одному делать нечего, только телик смотреть и origami складывать.

Чайнья погладила внука по волосам. Они были густые, запутанные, так и просили расчески и все еще пахли постелью. Стоя на верхней ступеньке, она обернулась, чтобы запереть трейлер на замок.

Начало восьмого. Рассвет на равнине Бьюлы только занимался: единственная коричневатая полоса на горизонте. Холодный ноябрьский воздух был пропитан запахом коровяка. Вдалеке заревел, оживая, трактор. Голубоватая дымка выхлопных газов поднялась от вздрогнувшей машины.

Чайнья открыла крышку пикапа, и Атик положил высушенные швабры в кузов рядом с большими банками чистящих средств и тряпками. Он первым запрыгнул в кабину, уселся между Чайньей и Силеей. Когда машина, подпрыгивая, выехала с гравийной площадки между трейлерами соседей, Силеа уже задремала, прислонившись к пассажирской двери.

– Сначала мы едем к Зелларам, потом к миссис Холланд, – сказала Чайнья на кечуа.

– О'кей, – откликнулся Атик.

– О'кей, – мягко передразнила его бабушка.

Она свернула налево. Всегда на запад, в сторону Кристала и далеких гор. Проехав несколько миль, Чайнья сказала:

– Запомни кое-что.

Тишина в ответ.

– Ты заснул, что ли?

Ну конечно. Чайнья потыкала его в бок, и мальчик вздрогнул, просыпаясь.

– Слушай, – сказала Чайнья.

– Слушаю, – проговорил мальчик, на этот раз тоже на кечуа.

– Холланды хотят, чтобы мы вынули посуду из посудомойки и расставили по местам, а Зелларам все равно.

– Хорошо.

– Когда будешь убираться в ванной, перелей универсальное средство «409» в пустую чистую зеленую бутылку под раковиной. Оно лучше справляется с плесенью, а миссис Холланд одно средство от другого не отличит. Но миссис Зеллар заметит. У нее нюх получше, так что не перепутай.

– Хорошо.

– А еще миссис Зеллар любит, чтобы винные бокалы были натерты до блеска.

– Тряпкой?

– Бумажным полотенцем. А Холланды пьют вино из банок. Их полировать не надо.

– А почему из банок?

– Кто их знает?

Силеа повернулась во сне, ее голова упала на плечо Атику. Мальчик почувствовал запах ее цветочного шампуня.

– Если миссис Холланд тебя увидит, она попытается с тобой заговорить на испанском, – продолжала Чайнья. – По-испански она говорит еще хуже, чем я. Но будь с ней вежлив и говори помедленнее, чтобы она могла понять. Еще отец у Зелларов свинья. А вот девочка у них большая чистюля. Комната у нее всегда в порядке. Она сама застилает постель и сама стирает одежду.

– Она симпатичная?

– Я только фотографии видела. Красивая. Но есть в лице у нее что-то... *гаджое*.

Последнее слово она произнесла по-английски. Атик сонно хохотнул.

Справа, перед съездом на шоссе, показалась стоянка для дальнобойщиков. Миновав заправку, Чайнья остановила машину и дала Атику долларовую банкноту и три четвертака.

– Купи кофе, – велела она.

Мальчик покачал головой:

– Мне не надо, *awicha*.

– Тебе нужен кофе. Как и твоей *tatau*.

Силеа простонала во сне. Атик пожал плечами и отвернулся, не собираясь выходить из пикапа. «Ну что ж, сама схожу».

Дверь заскрипела, и Чайнья осторожно спустилась на асфальт. Высокая подвеска. Люди на нее пялились. Здесь всегда пялились. Не работники магазина (те уже привыкли), а покупатели-дальнобойщики.

Для пятницы в магазине было тихо, всего несколько человек блуждало в бледном флуоресцентном свете. Чайнья налила кофе в большой пенопластовый стакан. Молока и сливок не было, три кувшина, которые обычно тут стояли, куда-то делись. На кассе новая продавщица, толстая, белая, похожая на личинку, пробила покупку Чайньи. Та внимательно смотрела на кассиршу, потому что новые продавцы иногда пытались ее обсчитать.

– *Lichi*? – намеренно спросила Чайнья на своем языке.

Новая работница наморщила нос.

– Молоко? – повторила Чайнья по-английски.

Девушка подкатила глаза.

– Женщина, сейчас праздники, День благодарения. Продавцов не хватает.

Она указала на стойку с кофе и изобразила рукой, что тянет дверь на себя. Чайнья снова подошла к рядам кофейников, открыла шкафчик внизу и нашла сливки.

В углу парковки возле мусорных контейнеров тусовалась обычная компания, надеясь подшабашить. «Как же, ждите. Государственный праздник, нерабочая пятница», – подумала Чайнья. В основном это были гватемальцы, жившие неподалеку. Один из них сидел на крышке бака и, приставив к глазам бинокль, высматривал авторефрижератор, съезжающий с междугородного шоссе.

Она увидела Тяго. Это был мужчина Силеи, он заходил иногда. Тяго помахал Чайнье, а та нахмурилась, от силы на дюйм приподняла стаканчик с кофе и отвернулась.

Чайнье этот молодчик не нравился. Он слишком уж старался подлизаться. Всегда приносил полевые цветы, конфеты или пиво, оставался до глубокой ночи и смотрел американские передачи с Силеей, закинув ноги на стол, будто он здесь хозяин.

В последнее время он все больше и больше обхаживал Атика. В начале осени Тяго принес бейсбольный мяч, перчатку и биты для мальчика, а еще через несколько недель – футбольный мяч. Он даже пытался подарить Атику старый компьютер, который продавал его двоюродный брат. «Мальчику нужно выходить в Сеть, – заявлял Тяго. – Подключиться к большому миру».

Но Чайньа это пресекла. «Ты ему не *tayta*», – рявкнула она на кечуа, но общий смысл Тяго понял. Так что он отнес компьютер обратно и больше эту тему не поднимал.

Когда Чайньа снова забралась в машину, Силеа уже проснулась. Опустив стекло, она строила глазки Тяго, стоявшему на другом конце парковки.

– Держи. – Чайньа пихнула стакан с кофе дочери, потому что у Атика руки были заняты. – Поделись с мальчиком.

Силеа взяла кофе и с неохотой закрыла окно. Стоявший вдали Тяго отвернулся.

Снова проехав мимо заправки, Чайньа заметила, что внук уже сложил две фигурки оригами из бумаги, лежавшей в бардачке. Желтую розу, лепестки которой были окаймлены печатными строчками. И нежную белую грушу. Плодоножку он сделал из палочки для размешивания сахара.

Увлечение Атика началось много лет назад с лилии. Это была единственная схема, которой его обучила бабушка. И единственная, которая Чайнье была известна. Теперь он мог складывать легковушки, грузовики, цветы, фрукты, всевозможных животных. Всему этому он научился сам. Дайте ему упаковку цветной бумаги, и он сделает сад, клумбу, зоопарк, поезд. Несколько месяцев назад он даже сложил из бумаги свою *jatunmama*. Чайньа сразу же узнала в бумажной фигурке себя. Десять полосок на ее разноцветном платье были не шире обрезка ногтя. За это Чайньа оттягала мальчика за ухо, но фигурку не выбросила. Она стояла у постели Чайньи, охраняя ее сон. В трейлере было полно творений Атика. Целые леса хитроумно сложенных оригами разрастались на духовке и на холодильнике, украшали каждую полку. Силеа аккуратно заставила ими половину обеденного стола.

Атик подвинул розу и грушу к лобовому стеклу. Там уже красовалась пара зеленых помидоров, которые он сложил на прошлой неделе из оберток от жевательной резинки Wrigley.

Десять минут спустя пикап перебрался через железнодорожные пути, и они въехали в Кристал. Здесь начался гладкий асфальт. Деревья вдоль бульваров были выше и пышнее. От зарядной станции на конечной остановке тихо отъехал темно-фиолетовый электробус.

– Здесь водители автобуса не то что в Уануко, – заметила Чайньа. – Никогда не ждут постоянных пассажиров, просто едут дальше.

– Скоро будем на месте, – сказала Силеа, взбодрившаяся после кофе.

– Не забудь, Атик, – наставляла бабушка. – Спрей «Пледж» оставит пятна и испортит замшу и кожу, поэтому, когда будешь оттирать полы возле диванов, направляй баллон строго вниз.

– Не забуду.

– И вот еще что. Зеллары хотят, чтобы мы отмыли клавиши фортепиано. Много гостей, липкие пальцы. Так вот что нужно сделать. Слоновую кость надо протирать «Колгейтом», а потом тряпочкой, смоченной в цельном молоке. «Колгейт» оставляет разводы на черных клавишах, и хозяйка это заметит непременно.

– Поэтому черные клавиши оттирай в последнюю очередь, – подхватила Силеа. – С боков и сверху.

– И торцы, – добавила Чайнья. – Их легко пропустить при уборке, потому что они такие маленькие, как пальчики у тебя на ногах.

– Хватит, – прервал Атик.

Он ненавидел, когда с ним разговаривают как с маленьким. Особенно после своего двадцатилетия.

Чайнья похлопала мальчика по колену.

– Просто работай хорошо, Атик Юпанки. Если мы втроем постараемся, то закончим пораньше, и, может быть, твоя *tatau* сегодня не будет нас пичкать своей курицей.

– Посмотрим, – буркнула Силеа.

Она допила последние капли кофе и запрокинула голову, зевая и изгибая гладкую шею.

На Березовой улице они припарковались и выгрузили швабры и банки на подъездную дорожку.

На полпути к дому Атик споткнулся о брусчатку.

– Осторожнее, – предупредила Чайнья.

Мальчик что-то пробормотал и закинул швабру на плечо. Чайнья оглянулась и за лобовым стеклом своего пикапа увидела маленькие вспышки цвета. Бумажные роза, груша и два зеленых помидора на приборной панели были словно стражи. Четыре крошечных чуда, творения ее внука.

Часть II

Первый отсев

Все это может привести к парадоксальной ситуации, когда родители, которые гордятся и даже восхищаются своим одаренным детищем, из-за своего авторитарного подхода к воспитанию вынуждены отвергать, подавлять и даже разрушать все лучшее (то есть самое настоящее), что есть в их ребенке.

Алис Миллер. «Драма одаренного ребенка»

Школьный округ Долины Кристалла

Достижения, мастерство, равенство

КОМУ: Семьям Школьного округа Долины Кристалла ОТ: Инспектора д-ра Джо Елинека
ТЕМА ПИСЬМА: Тест для оценки когнитивных навыков (Когнав)
15 марта 2018

Дорогие семьи Кристалла!

Большинство из вас уже осведомлено, что в скором времени в Школьном округе Долины Кристалла планируется Тест для оценки когнитивных навыков (Когнав) среди всех учащихся с 5-го по 11-й класс, желающих пройти отбор для поступления в Кристальскую академию на 2018–2019 учебный год. Одновременно тестирование будет проходить в Четырех Округах.

Когнав – это одобренный государством стандартизированный тест для оценки множества параметров способностей учащегося, в том числе вербального, невербального, пространственного и количественного мышления. Этот экзамен представляет собой тест с выбором варианта ответа. Когнав будет проводиться во всех школах в субботу, 24 марта, с 9:00 до 11:00. Те, кто не сможет пройти тестирование в субботу, имеют возможность сдать экзамен в среду, 28 марта, с 19:00 до 21:00. Учащимся частных или церковно-приходских школ, желающим участвовать в отборе в первый поток Кристальской академии, просьба записаться на экзамен в субботу.

В ответ на множество вопросов со стороны родителей я и мои коллеги из Четырех Округов хотели бы подчеркнуть два аспекта процесса отбора. Во-первых, тестирование Когнав совершается исключительно по вашему желанию. Ваш ребенок не обязан проходить экзамен и подавать документы в Кристальскую академию. Во-вторых, количество баллов, полученное вашим ребенком в ходе Когнава, это лишь один из множества факторов, которые будут учтены при отборе учащихся в первый поток.

Более подробно о последующих этапах процедуры приема будет сообщено после окончания тестирования Когнав. Просим вас проявить терпение в ходе этого непростого и захватывающего процесса.

Благодарим за понимание и желаем великолепной весны на нашем прекрасном Передовом хребте.

Джо Елинек, доктор педагогических наук

11. Роуз

Саманта как-то пошутила, что их компашка как четыре почтальона. И в дождь, и в снег, и в гололед они встречались рано утром по пятницам для шестикилометровой пробежки вот уже десять лет подряд. Ритуал, который был высечен на твердом кремне их жизни, нечто незыблемое и общее для всех четверых с тех самых пор, как они начали приходить в форму после рождения детей. Иногда кто-то из подруг не являлся на пробежку из-за травмы или командировки, но тогда остальные бежали втроем или вдвоем. Независимо от состава участниц, пробежка в пятницу была негласным правилом, которое свято соблюдалось.

В тот день на пробежку пришли только Роуз и Лорен. Сухая мартовская прохлада опустилась на предгорья, в воздухе витал отчетливый смолистый запах хвои. Лорен всегда приносила тихую серьезность в эти ранние, холодные часы в Колорадо, когда казалось, будто птицы чирикали только для подруг, а олени ненадолго задерживались на тропинке впереди, прежде чем сломя голову умчаться в заросли. Пустынные ящерицы юркали прочь с дороги, чтобы не попасть под кроссовки.

Пробежав всю долину и поднявшись на холм, они остановились на несколько минут, чтобы потянуться и полюбоваться панорамой северной части Кристала, где трасса 62 змеилась вдоль Передового хребта со стороны Линна. Фары машин с булавоочную головку величиной пронизывали предрассветную темноту. Лорен нагнулась, завязала шнурок, а потом распрямилась, уперев руки в бока.

– Где будет сдавать экзамен Эмма Кью? – спросила она, тяжело дыша.

– Когнав?

– Да.

– Ученики государственных школ сдают в своих же школах, – ответила Роуз. – Так что в Доннелли.

– Ксандер там же будет сдавать. Детей из «Одиссеи» отправляют в ближайшую государственную школу.

Они постояли немного, восстанавливая дыхание и смотря вдаль. Их взмокшие тела начинали зябнуть. Нервный тик Лорен выдавал больше, чем она хотела сказать. Но прежде чем Роуз успела что-либо спросить, подруга развернулась и помчалась вниз с холма. Роуз последовала за ней. Мышцы ее бедер подрагивали от легкости движения под гору.

Последние полкилометра пути – и женщины оказались на Четвертой улице. Обычно отсюда они направлялись на юг, но сегодня Лорен побежала через перекресток, на Кленовый холм. Роуз ничего не подозревала, пока они не оставили позади два квартала, двигаясь на восток.

Подруги замедлили бег и остановились у старого здания начальной школы на Кленовом холме. Трехэтажное здание с фасадом эпохи короля Георга возвышалось над разросшимися кустами черемухи. Временная проволоочная решетка ограждала основание главной лестницы. У обочины стояло два переполненных мусорных контейнера, из них торчали куски вывороченной штукатурки и обломки досок. Возле лестницы повесили объявление, извещающее о новом назначении здания.

БУДУЩИЙ ДОМ ДЛЯ СРЕДНИХ КЛАССОВ КРИСТАЛЬСКОЙ АКАДЕМИИ,

специализированной школы для одаренных детей, совместно организованной школьными округами Уэсли, Кендалл, Мэдисон, Бьюла и округом города Кристал. Директор-основатель школы: Доктор Элизабет (Битси) Лейтон. Дата открытия: август 2018.

Для получения информации по поводу поступления и по другим вопросам просьба обращаться в Школьный округ Долины Кристалла.

Рядом висел плакат с сияющими компьютерными макетами классных комнат и лабораторий. Модульные столы, блестящие компьютеры, белые маркерные доски, ярко освещенные классы, уставленные книгами и горшками с растениями.

Вот и школа.

Обещание блестящего будущего. Еще не открыта, но от этого еще более притягательна. Теперь вопрос о поступлении подруги затрагивали при каждой встрече, будто бы мимоходом, но всегда натянуто, с деланным равнодушием пожимая плечами и непринужденно ухмыляясь. Одна из них обязательно говорила: «Шансы поступить – один из ста, да хоть бы из миллиона. Какие шансы у моего ребенка?»

Роуз слышала, как эту тему обсуждали коллеги на факультете и в больнице: нейрохирурги, анестезиологи, детские онкологи. Вообще все, у кого были умные дети подходящего возраста, лелеяли опасные надежды. Разве есть в Долине Кристалла хоть один не одаренный ребенок?

Эта школа была словно редкое вино, словно кусочек экзотической рыбы. Дайте нам только попробовать немного, и мир уже не будет прежним. Мой ребенок заслуживает того, чтобы его туда приняли.

До сего момента это все были только пустые разговоры, досужие домыслы, абстрактные предположения. Но теперь приближался первый этап тестирования, экзамен был на носу, и школа внезапно перестала быть просто слухом, а стала вполне реальной и осязаемой. Эммочки собирались сдавать Когнав в Доннелли, своей любимой младшей школе.

Первый отсев.

– Вот и она, – сказала Роуз, и эти слова ей самой показались глупыми.

Она смотрела на объявление и на фасад школы в самом разгаре ремонтных работ. Лорен не ответила, и Роуз провела ладонью по сильным мышцам ее спины.

– Лорен, что-то не так?

Подруга улыбнулась уголком рта.

– Ксандер.

– Да ладно тебе! Даже не думай, он точно пройдет! Из всех наших детей уж на его счет и сомнений нет.

– В том-то и дело. Он даже не хочет идти на экзамен.

– Но почему? Это была бы идеальная школа для него.

«И для Эммы Кью», – не сказала Роуз.

– И я так считаю. Но Ксандер говорит, он не хочет ходить в школу с кучей ненормальных ботанов.

Роуз едва сдержала смехок. «Чья бы корова мычала».

– И откуда только он это принес?

– А ты как думаешь?

Роуз поразмыслила.

– Близнецы?

– Чарли, – сухо бросила Лорен. – На прошлых выходных Ксандер ночевал у Азры, потому что я уезжала в Миннеаполис. Видимо, он за ужином болтал об академии и о том, как здорово было бы там учиться, и тут Чарли влез и разнес ее в пух и прах. Из серии «ты что, там же кругом будут одни яйцеголовые!». С намеком «типа тебя». И Ксандер теперь категорически против академии.

– Я уверена, он одумается.

Лорен дернула головой влево.

– Но ты же знаешь, как он тянется за этими мальчишками. Стереотип тупого спортсмена. Они же такие «крутые». Ксандер сказал, что, если я заставлю его пойти на экзамен, он нарочно его заперет или сделает что-нибудь, чтобы его дисквалифицировали. Бесит.

– Может, он тебя разыгрывает? – предположила Роуз. – Иногда у него бывают странные шуточки.

Она вспомнила (как было не вспомнить?) инцидент, который впоследствии все стали называть «Случай со смузи». Началось все с того, что однажды летом Лорен приехала домой с дорогушим блендером, который, судя по описанию, мог корни дерева превратить в жижу. Ксандер влюбился в это чудо техники и стал постоянно делать в нем супы-пюре, десерты и домашнее мороженое для всякого, кто заглядывал в гости. Четвертого июля, в День независимости, мальчик приготовил кувшин зеленого смузи и наполнил картонные стаканчики всем, кто собрался на праздник на заднем дворе. Напиток получился фруктовый и сладкий, но с горьким привкусом, будто туда добавили капусты или листовой свеклы. Когда все попробовали смузи, Ксандер встал на краю террасы.

– Друзья, римляне, кристаллы – услышьте!⁸ – выкрикнул мальчик.

Присутствующие повернулись с выражением умеренного интереса. Эмочки стояли возле свечи от комаров из цитронеллы, их детские лица были слегка подсвечены. Роуз видела, как Зи поджала свои красивые губки и прошептала что-то на ухо Кью. «Бедный Ксандер, – подумала Роуз. – Такой умный, но такой до боли странный».

– Как вам напиток, народ? – спросил сын Лорен.

– Очень вкусно, милый! – крикнула ему Азра в своей дружелюбной манере, поддерживая энтузиазм мальчика. – Что за секретный ингредиент ты туда добавил?

Все замерли в ожидании ответа. Мальчик выпалил двумя громкими залпами:

– СТЕПНУЮ!.. ЛЯГУШКУ!

Стоны, хрипы, плевки и рвотные позывы. Но потом Ксандер прыжком, достойным Человека-паука, соскочил с террасы, расставил руки, будто самолет, и помчался сквозь толпу, тарахтя на одном дыхании: «*Шуткашуткашуткашуткашутка!*»

Вся эта проделка была очень странной и очень в духе Ксандера.

– Может, он так шутит, – повторила Роуз.

– Да, я предпочитаю списывать на юмор. Но если мне удастся затащить эту маленькую задницу на субботнее тестирование, то, думаю, дальше все будет в порядке.

– А что насчет Тессы? Когда будет экзамен для старшеклассников?

Лорен фыркнула.

– Ты серьезно?

– Так ты думаешь, у нее не получится?

– Роуз, я тебя умоляю. На предварительном экзамене на выявление академических способностей Тесса набрала всего 1310 баллов.

Лорен произнесла это таким тоном, каким можно говорить о вождении в пьяном виде или о краже в магазине.

– Это хороший результат, Лорен. – Роуз старалась говорить мягко, без упрека в голосе. Перед глазами у нее стоял тот гадкий момент на Дне благодарения, будто это было вчера, а не три месяца назад. – Большинство родителей были бы в восторге, набери их ребенок 1310 баллов.

– Ну ладно, но все равно, чтобы попасть в Кристальскую академию, в переводе на систему Когнав ей нужно набрать куда больше. Говорят, среди поступающих в выпускной класс будет самая жесткая конкуренция. Всего шестьдесят мест отвели.

«А-а, значит, ты уже это выяснила», – подумала Роуз.

⁸ «Друзья, римляне...» – парафраз речи Марка Антония из пьесы Шекспира «Юлий Цезарь» (прим. пер.).

– И с ней в последнее время так трудно! Я хочу сказать, я рада, что она работает, и я так благодарна тебе и Азре за то, что вы дали ей шанс, но в ней появилась такая враждебность, что мне иногда становится страшно.

– Не забывай общепринятую истину, – утешала Роуз, – девочки-подростки презирают своих матерей.

– Думаешь? – скривилась Лорен.

– Поверь, мне самой не хочется думать, что скоро и у Эммы начнется этот период. Но, Лорен, самый сложный этап в ее жизни уже позади, и ты помогла ей его пройти. Посмотри, насколько она изменилась.

– Да ладно тебе.

– Она всегда была очень талантлива, – сказала Роуз. – Я уверена, ее способности до сих пор при ней.

Лорен принялась за приседания.

– Единственный талант, который я в последнее время за ней замечаю, так это умение красиво выглядеть. Внешность – то небольшое, что она унаследовала от отца.

Пока Лорен приседала, это замечание висело в воздухе, как неприятный запах.

– Ты готова? – спросила Лорен, распрямляясь во весь свой (полутораметровый) рост. Роуз пристроилась за подругой, а эти злые слова все еще звенели у нее в ушах.

Когда они зашли в таунхаус Лорен, Тесса, обмотавшись узеньким полотенцем, как раз поднималась по лестнице (душ был на нижнем этаже). Она угрюмо зыркнула на мать и только потом заметила Роуз.

– О, привет, Роуз! – сказала девушка, и сжатые было губы изогнулись в красивую улыбку. Тесса помахала гостье, шмыгнула в свою комнату и заперлась.

Лорен обернулась к подруге.

– Вот такое мое доброе утро! – усмехнулась она.

В столовой на грубо обтесанном деревенском столе был жуткий беспорядок. Ваза с сухоцветами и вышивка с бегуном отодвинуты в сторону. Две трехстворчатые картонки для проекта разложены в раскрытом виде. На них пока мало что наклеено, но уже начерчены рамочки разнообразных форм. На раскрытой папке кособокая стопка графиков, таблиц и фотографий.

Роуз остановилась.

– Что это?

– Проект Ксандера для научной ярмарки, – гордо ответила Лорен. – Молекулярное исследование паучьего яда или что-то такое. Никак не может определиться, то ли про пауков делать проект, то ли про шахматы.

– Ты ему помогаешь?

– Шутишь, что ли? Он меня и на пять метров не подпускает к подобным заданиям.

Роуз тут же почувствовала, как желание утешать Лорен насчет детей мгновенно угасло. Она увидела кусочек графика, цветовую диаграмму, которую Ксандер скопировал, похоже, из какого-то лабораторного исследования. Количество диаграмм и иллюстраций в папке приводило Роуз в отчаяние.

Гарет в таких делах был абсолютно беспомощен, но только ему Эмма Кью позволяла помогать с заданиями по естествознанию и математике. Это притом, какую профессию избрала себе Роуз! «Мам, ты все время командуешь», – ныла Эмма Кью, и это была правда. Но ведь Роуз столько могла научить дочку, если бы та только позволила ей! *Мы могли бы разработать контролируемый эксперимент над процессом запоминания и познания на протяжении трех поколений, солнышко! А может, построим атлас клеток твоего собственного мозга?*

Вместо этого Кью состряпала какой-то унылый проект огородника: в углу ее комнаты загнивали косточки от авокадо.

Все потому, что главные способности Кью были в той же сфере, что и у ее отца. В сфере вербальной. «Вы слишком много читаете, юная леди», – сказал как-то девочке единственный учитель, который ей не нравился. Это только побудило Эмму читать еще больше. За последние шесть лет она проглотила целые библиотеки. Она засиживалась за полночь, положив читалку на свои узловатые колени, пальчиком тыча в экран и незаметно прочитывая с десятков книг в неделю. Это отражалось в счетах с сайта «Амазон» и в бесконечных списках незнакомых названий. Роуз была слишком ошеломлена количеством книг, чтобы регулярно контролировать, что дочка читает. Она беспокоилась, что Эмма выбирает книги детские, не разжигающие в читателе никаких амбиций, с избитыми сюжетами. Какое интеллектуальное развитие даст человеку перечитывание серии «Гарри Поттер» по десятому кругу?

Гарет, как обычно, смотрел на это иначе. «Пусть лучше она растворится в другом мире, – мягко укорял он, – чем запутается в твоём».

Может, он и прав. Азра часто печалилась, что близнецы книг и в руки не брали. «Радуйся, что она вообще читает в наш-то век айфонов, а уж что она читает – не все ли равно?» «А что касается счетов с «Амазона», так ни один пенни не пропал зря», – настаивал муж с тихой гордостью за их начитанную дочку.

Роуз заехала на заправку. Пока бак наполнялся, она нетерпеливо притопывала каблук, поглядывая на часы. Силеа приходила убираться по пятницам, раз в две недели, и Роуз старалась, чтобы к девяти утра все расхотелось по своим делам и никто не мешал наведению порядка. Приезжаешь домой после долгого рабочего дня в лаборатории и можешь помыться в отчищенной от плесени душевой. Настроение сразу поднимается! Гарет, конечно, убирался то там, то сям по необходимости, но это не могло заменить генеральной уборки в исполнении Силеи.

По дороге домой Роуз попыталась разобраться в мыслях. Беспокойство Лорен, гримаса Тессы, научный проект Ксандера. Роуз всегда становилось легче, когда она видела, что у других семей тоже не все бывает радужно.

А команда Лорен хлебнула немало лиха. Гениальность порой не столько дар, сколько проклятие. Пес с ней, с этой Кристальской академией! Роуз ни за какие деньги не променяла бы владение словом Эммы Кью на пугающий интеллект Ксандера.

Потому что в отличие от других присутствовавших Роуз так и не поверила, что Ксандер всего лишь пошутил насчет зеленого смузи. Как ученый, она сразу обратила внимание на то, как мальчик, с ликованием делая гадкое заявление, в точности указал на биологический вид своего секретного ингредиента. Ксандер прокричал, что это была лягушка, но не какая-нибудь, а именно степная. Сколько размышлений и исследований крылось в этой маленькой подробности! Вот уже много лет она не могла забыть таксономической точности ингредиента.

Она и до сих пор иногда просыпалась от кошмара с горьким привкусом степной лягушки во рту.

12. Эмма Зи

В пятницу девочка пришла из школы, съела два маффина с цукини, которые приготовила ей мама, сделала математику и поиграла на скрипке. Потом она пошла наверх и заметила кое-что необычное.

Во-первых, в ее ванной. Эмма Зи пописала и подошла к раковине. Она увидела небольшую лужицу воды на белой поверхности раковины, под холодным краном. Девочка посмотрела на слив раковины и заметила засохший след пасты, которую она сплюнула сегодня утром. Потом посмотрела в зеркало и поняла, что его не протирали. Странно.

Потом она обратила внимание, что ее любимого желтого кашемирового свитера, который папа привез из своей последней поездки в Цюрих, не было на месте. Эмма Зи помнила, как сложила его и положила на подушку. Но каким-то образом свитер оказался под кроватью. Она присела на корточки и несколько секунд смотрела на него. Потом достала, сложила и убрала на полку к другим свитерам. Опять же, странно.

А потом она заметила третью странность, самую необычную. Эмма Зи редко читала, хотя родители постоянно покупали книги в «Книгах Кристала» и «Барнз энд Ноубл», дарили их на Рождество и день рождения и приносили просто так, надеясь, что вот эта книга ей понравится. Родители всегда оставляли их на кровати. Приходя в комнату, Эмма Зи ставила книги в шкаф. Ей было все равно, куда и в каком порядке их сунуть.

Но сегодня книги на полках были расположены в *определенном порядке*. Верхнюю полку и половину второй занимали серии книг. Все эти «Перси Джексоны», «Гарри Поттеры», «Дети из вагончика», «Амелии Беделии», «Хроники Нарнии». Присмотревшись, Эмма поняла, что серии расставлены в алфавитном порядке по фамилии автора. Коулман, Льюис, Пэриш, Риордан, Роулинг, Уайлдер, Уорнер и так далее. Книги, которые не шли в сериях, были расставлены аналогично, от А до Ю.

Очень странно.

Зи отправилась на кухню, съела еще один маффин, ожидая, пока мама закажет в интернете новый кожаный чехол на свой айпад. Когда мама нажала кнопку «Завершить покупки», Зи спросила:

– Мам, у нас новая уборщица?

– Что-что? – переспросила та, теперь присматривая себе блузки. Зи нравились те, что с рюшками, но мама такие не носила.

– Ничего, – сказала Зи, внимательно осматривая кухню и гостиную.

Все остальное выглядело точно так же, как и всегда по понедельникам, средам и пятницам. К тому же она ведь не обнаружила в своей комнате ничего плохого, так что девочка решила ничего не говорить. Силеа была очень бедная и жила в трейлере далеко за городом, возле «Дикой лошади». Кстати.

– Кто нас завтра повезет на верховую езду? – спросила она.

Мама что-то нажала и купила блузку.

– Вообще-то занятие отменили. Завтра у тебя экзамен.

– Экзамен?

– Ну конечно, забывашка. Когнав, как те, что ты решала с Синтией.

– А-а, – протянула Зи.

Синтия была ее репетитором. После Рождества она приходила двадцать миллионов раз.

– Там где фигуры и все такое?

– Точно, – ответила мама. – Так что сегодня я приготовлю твоего любимого лосося и радужный мангольд, который тебе так нравится. Хорошо я придумала?

– Угу, – промычала Эмма Зи, дожевывая маффин. – Вот за что я люблю экзамены. Саманта нежно коснулась подбородка дочки.

Вечером Эмма Зи обнаружила в своей комнате, возле лампы, четвертую странность. Бумажный жирафик размером с прищепку. Девочка взяла фигурку и внимательно ее рассмотрела, пытаясь понять, как она сделана. На желтой бумаге видно было около сотни складок. Однажды папа показал Эмме Зи, как сделать бумажный шарик, который и правда можно было надуть. Но папа ни за что не смог бы сделать такую сложную фигурку.

Девочка большими пальцами раздвинула сегменты шеи жирафа. Растащила их в стороны, расправила складки. Она развернула туловище жирафа, развернула ножки. Разгладив листок, Эмма попыталась сложить фигурку снова, но у нее ничего не получилось. К тому моменту, как она прекратила тщетные попытки собрать жирафа, от бумажного зверька остался только порванный и помятый квадратный листок. Эмма Зи разгладила его ладонью и так и оставила покоробленный клочок бумаги лежать в лучах лампы.

13. Ксандер

Ксандер сидел в столовой в третьем ряду, в двух партах от центра, и заштриховывал кружки в листе с ответами.

Вопросы на Когнаве были тупые. Слишком простые даже для третьего класса.

В «Одиссее» никогда не проводили таких тестов. В том числе и поэтому Лорен перевела его в эту спецшколу в четвертом классе.

Листок → Клен

Иголка → ... _____

a. муравей

d. лес

b. кошка

e. хвойное дерево

c. шишка

Мальчик _____ побежал по тротуару.

a. быстрый

d. проворный

b. стеснительно

e. эффективный

c. проворно

Они пытаются запутать тебя ответами, которые только кажутся правильными (точнее, которые могли бы показаться правильными, если ты невнимателен: например, в случае с шишкой, которая, как и иглолка, тоже является частью хвойного дерева, или как в случае со словом «стеснительно», ведь оно тоже наречие, как и «проворно», и похоже на «стремительно»).

Вопросы по математике были еще глупее. Конечно, они соединили два уравнения в одной задачке.

Но каким дураком надо быть, чтобы не додуматься, что в уравнении

$$x - 7 = 4y / y = 63 \div 9$$

ответ будет 35? Или что в уравнении

$$432 \div y = 27 / \sqrt{y} + x = 91$$

ответы будут 16 и 87? Ксандеру достаточно было один раз посмотреть на страницу с математическими задачками, чтобы найти ответы на все вопросы одновременно. Стоило ли вообще брать этот дебильный карандаш НВ и заполнять эти дебильные кружочки?

Ксандер прижал язык к нёбу и поднял взгляд от листочка с вопросами.

Тик-так, тик-так.

Приоткрыв рот, мальчик щелкнул языком. Очень тихо, так, чтобы слышали только ближайшие соседи и чтобы непонятно было, кто щелкнул. Несколько ребят повернули головы, пытаясь вычислить, откуда донесся раздражающий звук.

Тик-так, тик-так.

Эмма Холланд-Квинн, сидевшая через два ряда от него и на одну парту правее, тоже подняла голову. Посмотрела вправо, влево. Ксандер улыбнулся.

Тик-так, тик-так.

Краем глаза мальчик заметил, как она снова обернулась. Уставилась на него. Ксандер посмотрел ей в глаза. Девочка показала ему язык.

– Не отвлекаться от листочков, – сделала замечание учительница. Кью отвернулась.

Однажды во втором классе, до того как мама перевела его в «Одиссею» и до того как близнецы отправились в Школу Святой Бригитты, Ксандер взял с учительского стола ножницы и отрезал большой клочок волос у Эммы Кью, пока класс смотрел фильм. Ему тогда сильно влетело. Это Эйдан его взял на слабо. Роуз тогда отвела Кью в дорогую парикмахерскую, чтобы как-то исправить прическу, но еще долго после этой проделки девочка ходила с очень короткой стрижкой.

Ксандер смотрел на затылок Кью и вспоминал, какое было ощущение, когда ножницы в его руках обрезали эти густые волосы. Похоже было, как будто режешь стопку бумаги. Или вырезаешь снежинки на Рождество.

Не так просто, как кажется. Не так просто, как решить следующие пять задачек в этом идиотском тесте. Мальчик заштриховал еще кружок и вздохнул.

14. Роуз

– Успокойся. Это только первый этап, – послышался слева шелковый шепот Саманты.

– Привет, – сказала Роуз.

Она расцепила нервно сложенные руки и положила их по бокам, ощущая на коже мурашки.

– Потом пообедаем вместе? – спросила Саманта.

– Конечно. В «Финнегане»?

– Эмме Зи сегодня в два надо к зубному, но думаю, к тому времени мы успеем поесть.

– Зубной в субботу?

– Если мы им дороги как клиенты, поработают и в субботу.

– Бедняжка. Кью терпеть не может бор-машину.

Саманта пренебрежительно отмахнулась.

– Обычная гигиена полости рта, раз в полгода делаем. А у Зи кариеса не появится, даже если она будет лопать по десять кексов в день. Зубы ей достались от Зелларов.

Роуз вздохнула, оставив запотевшее пятнышко на стекле. Она вспомнила прошлый визит к зубному с Эммой Кью. Две пломбы, воспаленные десны, опухшие челюсти.

Совсем не Эмма Зи. Роуз нашла взглядом дочку Саманты среди решавших тест в столовой. Зи и Кью разделяло три парты. Все прочие дети скрючились над своими брошюрами с заданиями и листками с ответами. Они хмурились, что-то корябали. Но не Зи. Она сидела идеально прямо, с безмятежным, почти скучающим лицом. И она это делала напоказ, как будто знала, что родители наблюдают, и хотела продемонстрировать, как хорошо она справляется с тестом.

В этом была вся Зи. Всегда первая на финишной прямой, ни одной ошибочки, ни одной дырочки в зубах.

Время окончания экзамена подползало все ближе. Родители подтягивались, уже десятки напряженных взрослых собрались в северном вестибюле. Делали беззаботные лица, пытались шутить. Роуз посмотрела на часы, а когда снова взглянула на школьников, Эмма Зи вдруг куда-то делась. Роуз нахмурилась. Через мгновение Зи снова возникла над партой, держа поднятый с пола карандаш.

Зазвонил звонок, послышался приглушенный голос наблюдателя.

Ксандер вышел первый и, оглянув других детей, бросился к Лорен (которая только что появилась), будто детсадовец. Саманта, без передышки набивая сообщения, организовала обед для всей компании.

– Азра вместе с близнецами подъедет прямо к «Финнегану».

Пока дети проталкивались из столовой на волю, Роуз пыталась поймать взгляд дочери, чтобы понять, как прошел экзамен, но Кью уже вовсю болтала с лучшей подружкой.

Толпа школьников и родителей выкатилась из сумрачного вестибюля на яркое солнце Колорадо. Каменные лица вершин Редайрон сверкали золотыми искрами. Остатки выпавшего ранней весной снега будто излучали собственный свет. На пути к машине Эмма Кью взяла маму за руку. Этот детский жест удивил Роуз.

В «Поминках по Финнегане», в похожем на пещеру зале с книжными шкапами вдоль стен, подруги сдвинули столы вместе. Здесь студенты, ученые и фрилансеры в наушниках самозабвенно печатали на ноутбуках, звонили по телефону за чашкой латте и вообще уютно уединялись посреди субботней толпы посетителей. Азра еще не приехала и на эсэмэски не отвечала.

– Ну так что? – сказала Лорен, когда все расселись. – Как думаете, Эммы хорошо сдали?

– Это мы узнаем на следующей неделе, – коротко ответила Саманта.

– Как думаете, какой будет проходной балл? – спросила Лорен с присущим ей отсутствием такта. Никто не сомневался, что у Ксандера результат будет космический.

– Кажется, сто двадцать пять, – предположила Саманта, просматривая меню.

– Да ты что? – выпалила Роуз. – По-моему, говорили, что на следующий этап пройдут все, кто набрал сто пятнадцать и больше!

У Кью самый высокий результат Когнава был сто двадцать. Вряд ли она сможет в ситуации стресса побить свой рекорд, несмотря на все тренировочные тесты, которые Роуз для нее раздобыла.

– Такой порог был в соседних округах, – сказала Саманта. – В глубинке средний уровень у школьников пониже.

– Так они разделяют учеников по округам?

– Похоже, что так, – Саманта заговорила тише. – У каждого из пяти округов-организаторов академии свой проходной балл для первого этапа. Для Кристала и округа Кендалл он должен быть на пять-десять баллов выше, чем для округов Уэсли и Мэдисон. А насчет округа Бьюла – вообще неизвестно, наберут ли тамошние школьники хоть сколько-нибудь.

Бьюла, более бедный округ, протянувшийся на восток по равнинам Колорадо, представлял собой больше тысячи квадратных километров трейлерных парков, маленьких городков, состоявших в основном из ломбардов и магазинов оружия, и сельскохозяйственной базы, которая поставляла полные грузовики рабочих, местных органических овощей и фруктов, говядину травяного откорма и прочие ресурсы, необходимые для обеспечения зажиточного населения Кристала.

– А что, они обязались принять в академию определенный процент детей из Бьюлы?

Роуз подумала: «Как же школы будут разбираться с деликатными вопросами расовой принадлежности и материального положения?»

– Пока не решили, – сообщила Саманта. – Кто успел, тот и съел. Кев считает, количество мест для детей каждого округа намеренно держат в секрете.

– И это неспроста! – резко сказала Лорен.

«Сейчас начнется», – подумала Роуз. Подобные темы вызывали пламенные споры между Самантой и Лорен. Богатая женоушка против соцработника. Бои вслепую.

– В тестах присутствуют необъективные факторы, а в системе образования существует экономическое и расовое неравенство, – продолжала Лорен. – В Службе поддержки молодежи и семей мы это видим постоянно, притом есть еще и социальные и психологические проблемы, такие как качество питания и здравоохранения. Даже результаты невербального теста на айкью находятся под влиянием факторов среды.

– И химических процессов мозга, – вставила Роуз, просто чтобы поддержать разговор.

Это лучше, чем унывать из-за того, сколько баллов Кью может получить за Когнав.

Брови Саманты (недавно откорректированные воском) поднялись на целый дюйм.

– Я доверяю педагогам: они знают, что делают.

– А я доверяю научным исследованиям: они дадут равные условия детям, независимо от цвета кожи и материального положения.

Саманта со стуком поставила бутылку с чайным квасом.

– И как же они это сделают, Лорен? Объективны ли эти ученые настолько, что не ущемляют детей, которые, так уж сложилось, *родились*, – тут она снова понизила голос, – богатыми и белыми?

– Я не эксперт, – сказала Лорен. – Но существуют способы рассмотреть уникальный случай каждого учащегося.

Саманта фыркнула:

– Легко тебе говорить.

– То есть?

- Да ладно тебе! Твой-то уникальный случай точно пройдет в академию.
- Это еще неизвестно.
- Известно-известно.

Тут же, будто вызванный желчной репликой Саманты, Ксандер отошел от шахматного стола и встал возле матери. Толстые линзы его очков отбрасывали тень на лицо и создавали знакомое ощущение, будто мальчик ставит окружающим диагноз. Азра и Саманта тоже упоминали о похожем чувстве, притом в последние месяцы все чаще. Казалось, что Ксандер выучил наизусть учебник по психологии и на каждого навесил ярлычок с названием расстройства, о котором ты и слыхом не слыхивал, но которое подходит тебе, как вторая кожа.

- Вы что, про Кристальскую академию говорите?
- Не сейчас, милый.

На лице Лорен появилось несвойственное ей выражение паники.

Искаженные линзами зрачки смотрели то на одну подругу, то на другую и остановились на Роуз.

– Вы думаете, что Эмма Кью не пройдет, так ведь? – спросил он громко, и в их углу кофейни повисло неловкое молчание.

Роуз посмотрела на Кью, сидевшую на большом диване: рот раскрыт, нос уткнут в книгу, взятую с полки кафе, вся в сладком забвении.

– Ксандер, ты такая *жона*! – крикнула Эмма Зи.

Роуз нежно посмотрела на Зи, на недовольно скривившиеся знакомые губы. Прямо сейчас Роуз готова была расцеловать девочку.

Ксандер обернулся и обеими руками показал девочке неприличный жест. Лорен нежно притянула сына к себе и носом ткнулась в его шею, не выказывая ни малейшего упрека.

Компания уже попросила принести счет, и тут в зал торопливо вошла встревоженная Азра.

– Извините, девочки. Я никак не могу дозвониться до Бека, я вся на нервах.

Лорен любопытно вытянула шею.

– А где близнецы?

– В эти выходные они с Беком. – Азра плюхнулась на стул. – Они должны были ждать меня у выхода школы Доннелли. Я приехала за ними, но их там не было. Они не писали Когнав.

Роуз удивленно моргнула. «*Ты что, доверила Беку отвезти мальчиков на экзамен?*»

– Подожди, а близнецы тоже собираются сдавать? – спросила Саманта.

Азра нахмурилась.

– А почему нет?

– Не знаю, – быстро сказала Саманта, пытаясь замять бестактность.

– Мы просто так подумали, – сказала Лорен.

«*Мы?*» — Роуз покачала головой, не желая участвовать в назревающей ссоре, но Азра уже поднималась с места.

Лорен побледнела.

– Слушай, я просто имела в виду...

– Я знаю, что ты имела в виду, – перебила Азра. Кожа вокруг ее глаз натянулась. – Мне надо в туалет.

Азра направилась к уборным, а Роуз смотрела ей вслед и поражалась самообладанию подруги. Это была дань уважения их дружбе, дар, который Саманта и Лорен не умели ценить так, как Роуз. Хотя даже Роуз иногда удивлялась, где Азра берет столько спокойствия и доброты, как у нее получается прощать Бека за его бесконечные проколы в роли мужа и отца, Саманту за ее самодовольство и резкость суждений, Лорен за манию величия и за то, что в ее глазах Ксандер вознесся на недостижимую высоту над спортивными мальчишками Азры.

А за что же она прощала Роуз?
Должно же быть что-то. За столько-то лет.

Все началось в воде, откуда и мы все берем начало.

Курсы по плаванию много недель манили развешанными в спортзале плакатами: многокультурная компания улыбающихся мамаш, несколько папочек и стайка держащихся на плаву детей, снятые сверху и застывшие посреди аквамарина. Маленький шедевр графического дизайна. «H₂O, детка!» – так назывались эти курсы на плакате.

Дешевый, надуманный каламбур, но для Роуз перспектива занятий была привлекательной: компания товарищей по несчастью, возможность выйти из дома, первая попытка отведать фитнеса после родов. «Сходи, сходи», – советовал Гарет. Сам он давно перестал регулярно тренироваться, забросил качалку одновременно с писательством, но он всегда старался побудить жену пользоваться их семейным абонементом.

В «H₂O, детка!» были некоторые правила. Ребенок должен весить минимум пять с половиной килограммов и хорошо держать голову. На нем должен быть подгузник для бассейна. Родители должны иметь при себе индивидуальное плавучее средство. В свои три месяца Эмма весила почти 6300. Перед первым занятием Роуз купила упаковку розовых подгузников для плавания и проверила один на деле – в ванне.

О чем она забыла, так это о плавсредстве. Может, Роуз упустила это правило, напечатанное мелким шрифтом, а может, она саму себя считала вполне плавучим средством, ведь для нее немислимо было даже на мгновение выпустить из рук крошечное тельце Эммы.

В развлекательный центр она приехала с опозданием. Небольшая проблема на медфаке: аспиранту отказали в стипендии на лето. Роуз сделала несколько звонков, исправила ситуацию, хотя эти проволочки задержали ее. Опоздав на шесть минут, она надела купальник и вышла к бассейну, крепко прижимая к груди маленькую Эмму. Тяжелый запах хлорки витал в воздухе.

Инструктор, демонстрируя группе упражнения для растяжки и разогрева, поприветствовала ее, неодобрительно сдвинув брови.

Роуз посмотрела на воду, на других мамочек и нянечек. В их взглядах читалось сочувствие. Несмотря на рекламные плакаты, здесь были только женщины, и опять же, несмотря на плакаты, все они, как и Роуз, были белые. Ну, может, за исключением одной. И все они стояли в бассейне, а младенцы уютно устроились на надувных подушках и плавательных кругах всех цветов радуги. Мягко покачивающиеся головки нежно омывала вода.

«Это всего лишь занятия по плаванию», – уверяла себя Роуз, ощущая жжение в груди. Суматошное утро дома, потом проблема с аспирантом, которая заставила Роуз скучать по родной лаборатории и недоумевать, зачем надо было договариваться насчет такого длительного отпуска по уходу за ребенком. Женщина начала спрашивать себя, зачем вообще надо было переезжать в Кристал, когда она могла бы занять хорошую должность в Нортуэстерне, нормальном городе, где у нее были настоящие друзья. Роуз уже почти развернулась, чтобы направиться обратно в раздевалку, но тут со стороны воды зазвучало мягкое контральто.

– Постойте, у меня есть запасной круг, – сказал голос. Низкий, богатый, почти хриплый.

Роуз посмотрела вниз и сквозь пелену подступивших слез увидела массу соломенных волос, стянутых на затылке, и лицо, открытое, дружелюбное, в форме сердца. В тот момент ей показалось, что это лицо ангела.

– Вам он точно сейчас не нужен? – спросила Роуз.

– Точно.

Незнакомка выбралась из бассейна и вынула своего малыша из круга. Через двадцать секунд она вернулась из раздевалки, одной рукой прижимая к боку малыша, с которого капала вода, а в другой цепко держа второй круг похожего дизайна. Она зажала клапан зубами и губами и уже почти надула.

– Ох, позвольте, я сама надую! – попросила Роуз, переложив Эмму в одну руку.

– Уве ффе, – прошепелявила ее спасительница, не выпуская клапана. Еще несколько выдохов, и круг туго натянулся. – Держите. – Она отдала Роуз плавсредство и ловко скользнула обратно в бассейн вместе с ребенком. – Утиная голова не помешает?

– Нет, что вы!

Эмму этот утенок уже околдовал. Глаза малышки не могли оторваться от оранжевого клюва, болтающихся резиновых крыльев. Роуз спустилась в бассейн и нашла свободное местечко для себя и дочки. Как только крошечная Эмма оказалась в воде, она начала восторженно дрыгать ножками. Вскоре Роуз тоже принялась слегка подпрыгивать на месте. Теперь она влилась в группу. Вода бассейна была как бальзам на душу (и на кожу тоже).

– Кто-нибудь обязательно забывает взять круг, – сказала женщина, одолжившая Роуз утенка.

– Вы давно сюда ходите? – спросила Роуз.

– Я сама вела этот курс. Пять выпусков.

– Так вы здесь работаете?

Это объясняло мускулистые ноги, скульптурные плечи. Женщины наклонились влево, вправо, влево.

– На седьмом месяце ушла. Я веду индивидуальные тренировки, консультирую по вопросам питания. Возможно, когда-нибудь вернусь сюда. – Не завершив наклона, она повернулась и изучающе взглянула в лицо Роуз. Мелкие капли воды бисеринками усыпали безупречную, почти сияющую кожу новой знакомой. – Меня зовут Саманта Зеллар, – сказала она. – Можно просто Сэм.

– Роуз.

– А это у нас кто?

– Дочку зовут Эмма.

Вокруг глаз Саманты появились складочки, и Роуз понравилось это ее выражение.

– Забавно!

– Что?

– У нас тоже Эмма, – сказала Саманта Зеллар и нежно коснулась подбородка малышки.

На следующей неделе Роуз приехала в бассейн вовремя и с кругом в руке. Она высматривала Саманту и Эмму в первом ряду, но не видела. Знакомая волна тоски и одиночества подкатила к горлу.

– Роуз! Мы здесь!

Саманта стояла в дальнем углу бассейна и махала ей. Роуз поспешно обогнула спасателя и вошла в воду, оказавшись между Самантой и еще одной мамочкой, которая пыталась справиться с двумя близнецами. Младенцы бились и извивались: видно, им не особенно нравились занятия в воде. Как и их матери, единственной смуглокожей женщине в бассейне. Розовая купальная шапочка стягивала ее волосы над светло-коричневой кожей лба. Смуглянка все пыталась совладать с близнецами, а те уже принялись кричать.

– Боже, я просто *не могу* с ними! – рявкнула она на весь бассейн.

Другие мамы сердито покосились на нее, инструктор строго нахмурилась. Саманта бочком-бочком подвинулась к маме близнецов, пока Эмма не оказалась рядом с ближайшим мальчиком. Он прекратил орать и начал разглядывать большеглазую девчушку на розовом пончике. Женщина благодарно посмотрела на Саманту. К тому времени второй братец тоже отвлекся на бесившегося рядом крупного мальчика поблизости. У этого мальчика была огромная голова, и ему нравилось стучаться ею о бока своего круга: туда-сюда, туда-сюда. Один близнец захихикал, за ним второй. Все четыре мамочки тоже облегченно рассмеялись.

– Дамы, прошу вас, – резко окликнула их инструктор через маленький микрофон у горла. – Ваши сокурники пытаются расслышать мои указания. Будьте добры, потиш...

Скриииииииииии!

Заводка пронзительно засвистела из звуковой системы, ошеломительно громкий звук рикошетил под высоким потолком зала. Женщины зажали уши, дети в углу Роуз застыли, глаза их широко раскрылись от шока. Каждый младенец в бассейне начал реветь, жалуясь на такой жестокий удар по нежным ушкам. Двадцать с лишним воющих грудничков, испуганные и разозленные матери и няньки, – но среди всего этого бедлама четыре женщины в дальнем углу впервые рассмеялись вместе и теперь чувствовали нечто вроде головокружения, как школьницы, ухитрившиеся избежать наказания.

Оставшиеся несколько недель занятий они со своими детьми кучковались в дальней части бассейна. Там Саманта делилась с подругами сплетнями развлекательного центра. Оттуда они могли свысока поглядывать на прочих мамашек, которые слишком ответственно подходили к занятиям в «H₂O, детка!». Лорен Фрай и Азра Шодюри, как выяснилось, уже встречались прежде: их познакомили мужья, Джулиан и Бек, которые всерьез увлекались скалолазанием. После окончания последнего занятия четыре женщины собрались в вестибюле спортзала. Роуз волновалась, не зная, что будет дальше, продолжится ли их общение.

– Пообедаем? – предложила Саманта.

И они отправились поесть тако в соседнюю кафешку «Гуисадос». Коляски и пакеты с подгузниками заполнили и без того людное патио. Молодые мамы то и дело менялись: кто-то держал малышей столбиком и похлопывал по спинке, ели по очереди. На следующей неделе они еще раз вместе пообедали, а потом Саманта пригласила всю компанию на кофе с пирогом в свой великолепный дом на Кленовом холме. Дочка Лорен, Тесса, тоже приехала. Она очаровала мам и своей милой внимательностью привела в восторг детишек. Потом была встреча без детей – счастливый часок наедине с подругами. Потом другая такая встреча. Через несколько месяцев – первая осторожная попытка ввести в круг общения мужей. И к тому времени, как малышам из «H₂O, детка!» исполнился год, семьи уже приобрели привычку встречаться, которая сохранится на долгие годы.

Четыре опоры дружбы укоренили их в суглинистых почвах Долины Кристалла, этого бесконечно красивого места, величественной чаши из земли, камня и небес. Вершины Редайрон, оранжевые пики из слоистого песчаника, взирали на благодатный город сверху вниз, словно боги, а позади них виднелись зубчатые ряды четырехкилометровых гор, будто марширующие вдоль континентального водораздела. В ясный день (а здесь почти каждый день был ясный, «Кристалльно-ясный», как говаривали местные жители), Роуз вдыхала запах вечнозеленых лесов Колорадо и, как и прежде, воображала, что нигде на земле нет места лучше, чем здесь. Иногда ей казалось, что это нечто вроде культа.

В Кристалле каждый говорил или думал: мы счастливы, мы здоровы, мы социально справедливы, даже улицы в нашем городе носят названия драгоценных камней.

Джулиан серьезно заболел, когда Ксандеру было три, а Тессе семь. Остеобластическая саркома. Наступила короткая ремиссия, а потом болезнь вновь проснулась и сожрала его кости. Оставшись одна, Лорен на какое-то время фактически отдала своих детей на попечение подруг. Те приняли их как своих, и вскоре все шестеро малышей стали общими детьми для четырех семей. Смерть Джулиана связала их в узел. Теперь, оглядываясь назад, Роуз это четко видела. Между четырьмя женщинами, у которых мало было общего, не считая детей-ровесников, теперь появились новые узы зависимости и нужды.

Потом были и не столь тяжкие горести. Развод Азры и Бека, после чего близнецы стали жить на два дома. Онкология Лорен, которую удалось диагностировать и купировать на ранней стадии. И медленное разрушение брака Роуз, чего она не смогла бы перенести, если бы не женщины, с которыми она познакомилась в воде более десяти лет назад.

«Эти перемены только укрепили нашу дружбу», – думала Роуз, глядя, как Азра петляет между столами и стульями со своей привычной безмятежностью на лице. Все эти кризисы и катастрофы неразрывно сплели четырех подруг воедино, как лозы оплетают ствол дерева. Так просто было поверить, что эти столь тугие узы не скрывают никакой опасности. И так просто было поверить, что они продержатся всю жизнь.

Немножко о Тессе

Руководство по выживанию в одиннадцатом классе

Видеоблог

Выпуск № 129: Ящик Пандоры или Пандорин пшик?

...11 просмотров...

[Тесса в подвале, в кабинете Гарета. Покачивает перед камерой маленьким ключиком.]

ТЕССА: Слушайте, ребят, сегодня будет кое-что новенькое! Хочу вас побаловать. Этим вечером у нас будет наша собственная серия «Затерянных могил Египта», как на каком-нибудь Историческом канале. Но вместо миллионнолетней гробницы фараона мы с вами откроем нижний ящик шкафчика для документов, который вы видите позади меня. Он заперт, но я нашла ключ в гараже. Ладно-ладно, не так уж захватывающе это звучит. Но ведь и правда, кто знает, что мы найдем? Я и сама не верю, что все это происходит сейчас в прямом эфире. И вопрос дня, что это будет: ящик Пандоры или Пандорин пшик? Готовы? Десять... девять... восемь... семь... шесть... пять... четыре... три... два... один...

[Поворачивается к шкафчику. Вставляет ключ, поворачивает его в замке, выдвигает ящик.]

И – поехали! Ладно, тут у нас длинный ряд папок, штук тридцать, и на всех наклеены ярлычки. Первая папка: «Ипотека Опаловый переулок, 2340» Давайте-ка вытащим... скучища. Просто куча документов.

[Запихивает бумаги обратно в папку. Просматривает следующие десять папок и комментирует, вытаскивая бумаги и засовывая их на место.]

Следующая папка. «Кредит на машину». [Делано зеваает.] Дальше «Страхование недвижимости». Дальше «Автострахование». Не оторваться. Дальше «Контракт с издательством». О, интересненько, сколько Гарет получил за свой вшивый романчик? Посмотрим-посмотрим... ну, не так много, как говорила моя матушка, но вообще неплохо. Дальше «Эмма Кью: сбережения на образование». А это может быть любопытно. Посмотрим... вы только поглядите на эту сумму! Чуть больше двадцати тысяч долларов! Впечатляет. К тому времени, как она пойдет в колледж, сбережений ей хватит примерно

на месяц обучения. Пожалуй, на мое образование матушка отложила и того меньше, а Кью всего одиннадцать лет. Так, дальше «Страхование жизни». Потом «Паспорта». О-о, занятно. Давайте вытащим их... странные фотографии, паспорт не просрочен только у Роуз. Идите на место. Что у нас следующее?

[Указательный и средний пальцы «шагают» по корешкам папок. Некоторые страницы Тесса ненадолго приподнимает, потом снова засовывает в ящик.]

Здесь папки даже без ярлычков, просто десяток пустых... погодите-ка, здесь кое-что есть. Посмотрим... о-о-о, только гляньте, тут хранятся детские рисунки Кью. Как мило. А в следующей папке что? Детские фотографии, опять нечто вроде рисунков. Да-да, целая папка каляк-маляк пальчиковыми красками и прочего дерьма, старые фотки Кью и Зи...

[Рука замирает, приоткрыв папку.]

ТЕССА: Ни-че-го себе! Ладно, честно вам скажу, это, наверное, даже лучше, чем мумия.

[Вытаскивает небольшую стопку фотографий: мельком видны голые тела, снимки находятся за кадром.]

ТЕССА: Хмм, внимание: шок-контент: это мерзко. Потому что... О боже мой. [Взвизгивает.] Нет, я не могу. Нет, я вам их не покажу. Ладно, в общем [громко прочищает горло], люди, у меня в руках порнушка, и на снимках молодые Гарет и Роуз в их студенческие годы. Боже мой, они такие молодые, но это они, без базара. И на фотках они этим самым занимаются, он ей прямо в... Боже, я не удивляюсь, почему он держит эти снимки под замком. Ну ладно, повисите пока.

[Убирает фотографии обратно в папку, закрывает ящик и запирает его на ключ. В кадре снова Тесса.]

ТЕССА: Похоже, некоторые люди на самом деле не такие скучные, как кажется, согласны? Пока, ребята.

15. Бек

Близнецы уже должны были спуститься.

«Мы готовы, мы готовы».

«Нервы на пределе», вторая в их жизни трасса категории «черный диамант».

«Мы готовы, мы готовы».

«Ничего они не готовы», – одними губами возразила тогда Соня, но Бек все равно разрешил им съехать.

Начали они с «Рискового дела», самой простой трассы в категории «черный диамант» в Брекенридже. Чарли первый, за ним Эйдан, жена Бека позади. Соня каталась так, будто родилась на лыжне, но Бек все равно всегда замыкал их группу. Он любил загонять свое маленькое стадо, смотреть, как они легко и проворно скользят по снегу к подножию.

Когда мальчики прошли «Рисковое дело», он позволил им спуститься по «Нервам на пределе» самостоятельно. Почему нет? Но это было сорок пять минут назад.

Бек снова посмотрел на часы. «Сорок семь». Бек представил себе, как долговязые близнецы летят над склоном, представил их подвижные суставы и тонкие молодые кости.

– Слушай, – крикнул Бек Соне, отталкиваясь палками в сторону самой глубокой части чашеобразной долины. – Они будут здесь буквально через минуту. Еще разок, и мы вернемся домой.

Жена не двинулась с места, будто вросла в лыжи.

– Рой там один с Тессой уже с двух часов.

Взгляд Сони на мгновение метнулся в сторону горы.

Бек заметил в этом взгляде тревогу.

– Детка, давай ты поедешь домой вперед нас и покормишь его? А я здесь подожду мальчишек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.